

Юлия Шолох

Дикий
вьюнок

Юлия Шолох
Дикий вьюнок

«1С-Паблишинг»

2019

Шолох Ю.

Дикий выюнок / Ю. Шолох — «1С-Паблишинг», 2019

Часто судьба человека кардинально меняется без всякого его согласия. И происходит это без каких бы то ни было скидок на возраст, силы, здоровье, саму возможность выдержать подобное испытание. От покровительства короля до каравана работорговца всего один шаг. Море может превратиться в пустыню, а свет – оборотиться тьмой; жизнь – очутиться в ловушке, а сердце – оказаться раздавленным холодным равнодушием. Что ещё уготовила судьба героям романа? Перед вами – одна из лучших и самых популярных книг Юлии Шолох.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	10
3	15
4	19
5	26
6	34
7	41
8	48
9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Шолох

Дикий выюнок

Пролог

Разливаясь, река занимала собой целое поле. Топкие места и заполненные водой выемки пересекались системой неустойчивых деревянных мостков – единственной связью с лесом у северных гор и лугами у южных. До сих пор помню, будто это случилось вчера – я иду, под ногами скрипят тонкие жерди, между хлипких, пропитанных влагой досок прорастает камыш, хватая за юбку, тянет вверх острые листья осока.

Медленный, густой пар от нагретой солнцем воды. Чудесная ночь: теплая, тихая, полная света сверкающих в небе звезд. Они почему-то цветные: блекло-синие, прозрачно-зеленые, дымчато-желтые. Небо над головой усыпано драгоценностями, куда более совершенными, чем пустые камешки, столь любимые людьми.

Я в самом сердце водяного поля. Оглядываюсь... Так красиво! И вот накатывает дикое желание закричать. Не от страха, не от боли. От жгучего счастья.

И полная душистым воздухом грудь. Я запрокидываю голову...

Вначале крик чем-то напоминает волчий вой, когда зверь, подняв голову к бархатному небу, поет луне о своей преданной любви. Но только вначале.

Крик очень громкий, он режет уши и сразу же оглушает. И вдруг... я уже не внизу... я в самом небе, прямо под цветными звездами. Я медленно плыву, парю в воздухе, раскинув руки. Руки? Не знаю, тела нет.

Подо мной залитое рекой поле... покрытый водой луг, даже на таком расстоянии пахнущий сладкой травой и душистой пряной зеленью.

И я кричу. Кричу о своей любви к самому прекрасному в мире месту.

Потому что я счастлива...

Часть первая

1

Как водится, детское воспоминание о счастье у каждого существует практически в единственном экземпляре. И не важно, случилось счастье на самом деле или просто приснилось во сне. А само оно имеет привычку исчезать бесследно, ухнув в бездонную пропасть и не оставив ни малейшего доказательства, что вообще приходило.

В десять лет меня забрал отец, увез из затаившегося между гор селения, где я жила вместе с бабушкой. Я оказалась в незнакомом, чужом и тоскливом месте – городе. В тесном старом доме кроме нас жил еще мой дядя и страшная женщина неопределенного возраста. Хотя страшной она казалась видимо только мне, так как женщина специально приводила себя в подобный вид с помощью косметики и щипцов для завивки, на что каждое утро тратила не меньше часа. Да и не сказать, что отец с дядей пугались ее внешности. Даже улыбались частенько, хотя и не очень искренне.

Мне выделили крошечную каморку, находящуюся за кухней и огороженную от нее одной лишь плотной занавеской из выцветшей брезентовой ткани. Узкая кровать с огромной мягкой периной, перья в которой, к несчастью, слежались и превратились в жесткие неровные комки. Крошечный столик в углу, на нем стопки разнообразных книг – единственного доступного мне развлечения. В другом углу – несколько вбитых в деревянную балку гвоздей, которые заменяли шкаф для одежды.

Широкая дикая равнина, где я провела детство, за раз превратилась в крошечный пыльный уголок ветхого дома. Иногда мне казалось, что в затхлом городском воздухе я задыхаюсь, но жаловаться было некому.

Четыре года я посещала общественную школу для бедняков. Как ни странно, вспомнить о том времени почти нечего – в памяти не задержались ни друзья, ни враги. Ничего примечательного, просто тянулась бесконечная вереница серых дней, полных бубнящими какою-то непроходимую чушь учителями, а после – вечеров, полных учебниками и одиночеством. Никого из взрослых не волновало, понимаем ли мы урок, а уж тем более откладывается ли хоть что-нибудь из выученного у нас в голове. Однако я старалась узнать и запомнить новое, потому что это было единственное доступное в то время занятие. К тому же бабушка, которая когда-то и научила меня читать, любила повторять, что книги способны открыть глаза и показать цвет утреннего неба даже глупому слепому щенку. Подозреваю, речь обо мне, хотя на прямой вопрос она отвечала только смехом и прикосновением руки к волосам.

Четыре года я провела в городе, которого боялась, как только привыкший к бескрайней высоте гор человек способен бояться душного замкнутого пространства. Даже смена времен года не вытаскивала меня из пассивной спячки – зима ли, кусающая морозом за нос, жаркое ли лето, полное сухой пыли, поднятой с дороги проезжающими мимо каретами. Ничего...

А потом одним утром в обычный, ничем не примечательный день я проснулась и отправилась завтракать на кухню. В момент, когда я вежливо пожелала страшной женщине доброго утра, раздался оглушительный вопль, и моя жизнь раз и навсегда изменила свое течение. Я проследила за взглядом ошавевших от страха глаз и с не меньшим ужасом увидела, что по моей руке как живой ползет четкий, словно тушью очерченный рисунок какого-то выющегося растения. Как он выбрасывает вперед тонкие, закрученные колечками усики и подтягивается за ними следом, расправляет ажурные листья. И снова пускает побеги... Я судорожно схватилась пальцами за кожу, со всей силы терла ее и скребла ногтями, желая убрать прочь это жуткое видение, желая оторвать от своей руки странное растение и отбросить подальше. Желая

скрыть его с глаз. И тогда... выюнок неторопливо перекинулся на пальцы и потек по ладони в сторону запястья.

Наверное, то, что со мной случилось после можно назвать самой настоящей истерикой. Единственное, что помню, – дикое желание стереть со своего тела этот мертвый рисунок, который вдобавок к самому факту своего противоестественного существования еще и бодро шевелиться. Вырвать его с корнем и растоптать в прах. А перед глазами сплетаются стебли, которых все больше и больше, которые все толще... Они скручиваются и наползают друг на друга, пока полностью не перекрывают собой обзор, будто пропускающее свет окно завесили чем-то плотным и темным. Потом немного чистейшего безумия...

Очнулась я в своей коморке, рядом сидел отец, крепко прижимая мои руки к кровати. Оказывается, в беспамятстве я так старательно пыталась содрать с себя кожу, что теперь от запястий до локтей была разукрашена толстыми красными царапинами. Замерев, я слушала тихий голос отца, а через некоторое время поняла, что он пытается меня успокоить. Объяснить, что ничего ужасного не произошло, просто вступила в силу кровь, да и рисунок очертился сразу полноценным, потому испуг от увиденного моментально превратился в неконтролируемую панику.

– Кровь? – прошептала я, смотря на человека, которого с этого момента почему-то считала ответственным за утренний приступ ужаса. Ведь он же... предполагал появление нечто подобного, но не предупредил?

– Кровь твоей матери. Кровь шайнарки.

Я застыла, спешно вспоминая все, что слышала о шайнарах. Почти ничего. Обрывки, обрезки, сухие крошки.

– Она была?..

– Полукровкой, конечно же, – отец, наконец, меня отпустил. – Я надеялся, в тебе наследственность не проявится... Мне жаль.

Жаль? Я пристально смотрела в хмурое лицо отца и понимала – ему действительно жаль. Только почему?

Мы говорили часа два, а после я приблизительно начала представлять, что теперь есть моя жизнь.

Чуждая людям раса шайнар проживала в восточных землях, на той стороне Великой реки, такой широкой, что в пасмурную погоду не разглядишь другого берега, и многие годы находилась с человечеством в состоянии неофициальной войны. Представители шайнарского народа, естественно, появлялись на людских территориях, но все это были индивиды высокого ранга, каждый из которых сопровождался королевским советником и охранялся десятой отборных воинов из числа королевских войск. А полукровок шайнары не признавали. Не говоря уже о таких, как я, в чьих жилах крови всего на четверть. Для них полукровок просто не существовало, и ни разу ни один чистокровный представитель шайнар не заинтересовался судьбой существа, подобного мне.

Но и для людей мы были совсем чужими, не людьми.

– Мне жаль, – повторял отец. – Я так надеялся...

Чистокровный шайнар напоминает живую картину – его тело раскрашено множеством безупречных изображений окружающего мира. И они не просто нарисованы – в каком-то смысле они существуют, пусть и не в привычной нам реальности. Птицы летают, рыбы плавают, а цветы распускаются, нежась под мягкими лучами теплого солнца. Основа шайнарской магии – жизненная сила окружающего мира: биение волчьего сердца, тьяканье лисы, шорох осыпающихся лепестков. Люди долгое время пытались найти похожий способ черпать силу из природного источника, но безрезультатно. Шайнары проводят свою жизнь в окружении плотной сети творимых собственным организмом несуществующих, но от этого не менее реальных картин. По сравнению с их раскраской, мой дикий выюнок – просто мелочь, мелкая мошка

рядом с поедающей мошек ящерицей. И все же наличие даже такой мелочи практически перечеркивает возможность жить, как обычные люди. Для окружающих я – шайнар, и точка. Но, к их счастью, в отличие от чистокровных – тот шайнар, за которого никто не вступится. Меня могут купить в театр и показывать за деньги жаждающим зрелищ посетителям. Завербовать при дворе и заставить работать против своих «родственников», изначально отрицающих наше родство. Шантажировать всю жизнь, грозясь выдать мое местонахождение борцам за чистоту людской крови, цель которых – уничтожить таких мерзких существ, как я. Был еще один вариант, встречающийся чаще всех остальных, о котором отец умолчал, поэтому я узнала гора-аздо позже... Наверное, к лучшему.

Когда в тот вечер, напугав меня до полуобморочного состояния, отец выходил из комнаты, неожиданно показалось, что за последние два часа он сильно постарел, сгорбился, а руки безвольно вытянулись вдоль тела. Даже сквозь страх пробилась жалость. Так жаль...

Ночью в гостиной, что сразу за кухней, сильно кричали. Я не стала прислушиваться, хотя голоса звучали знакомые – отец спорил и ругался с дядей. Не знаю, о чем, но часто повторялись слова «деньги» и «убью».

Следующим утром отец вернул меня к бабушке. В небольшом домике практически у самого болота страшное известие о просыпающейся во мне шайнарской крови неожиданно перестало быть страшным.

Когда мы с бабушкой (по отцовской линии) остались вдвоем, она рассказала о моей матери. Оказалось, та пришла неизвестно откуда и некоторое время жила в этой самой деревне. Народу вокруг совсем мало и никого особо не волновало, что чужачка наполовину шайнарка. Поэтому и мне бояться нечего...

И с отцом мать познакомилась, когда тот приехал навестить бабушку. А вскоре отправилась вместе с ним в город. Через год отец привез на воспитание младенца женского пола, то есть меня, потому что мамы не стало. Подробностей бабушка и сама не знала, и мне не советовала спрашивать. Мать умерла родами, повторяла, запомни и смирись.

Жизнь снова наполнилась красками: лето – золотом и лазурью, зима – серебром и серым бархатом.

Вместе с вьюнком во мне проснулась магия, непонятная неуправляемая сила, с которой ни я, ни бабушка не знали, что делать. К счастью, никакого вреда от нее не было и быть не могло, насколько знала бабушка, разрушением владеют только темные маги, светлые в основном занимаются защитой, а шайнары способны пользоваться силой природы в зависимости от своего рисунка. Моим даром оказалось изменение, преобразование живого в неживое. Иногда я брала в руки листок, а через секунду он светился бледным светом и становился гладким прохладным кусочком ткани. Иногда превращался в удивительно хрупкое на вид, но совершенно негибкое пальцами ажурное украшение – стебелек, от которого расходились сплетенные между собой тонюсенькие прожилки. Такие игрушки очень ценились местной детворой, а позже и женщины стали украшать ими себя и свою одежду, так что от происходящего была одна только польза.

Никогда в моих руках не менялся предмет размером больше моей ладони. Вначале, после первого раза, когда сорванный одуванчик вспыхнул белым светом и стал серебристым, словно выполненным искусным ювелиром предметом из металла, я жутко испугалась. Несколько дней боялась прикоснуться к бабушке и даже к самой себе. Потом рискнула... Поймала на болоте лягушку и, закрыв глаза, сжала в ладони. Представлять, что она станет застывшей статуэткой было очень страшно, но мне было необходимо знать точно! Ведь иначе каждое прикосновение – огромный риск для бабушки и всех остальных жителей... И даже для соседского щенка с белым пятном на носу, который всегда так радовался возможности побегать и поиграть!

Некоторое время я, затаив дыхание, ждала. И – ничего. Руку сводило от напряжения, лягушка обмякла, потеряв желание вырываться, и только безвольно болтала в воздухе лапами,

а больше ничего не произошло. Не помню, испытывали ли я еще когда-нибудь настолько огромное облегчение.

Единственно, о чем жалела бабушка – невозможность найти учителя, способного объяснить назначение и возможности моей магии. Ну что поделать, нет так нет...

Два года счастья, разбитого на равные промежутки приездами отца. Его я по-прежнему боялась и старалась держаться как можно дальше.

Что значил для меня мой собственный отец? Кем был? Мы практически никогда не общались и даже толком не разговаривали. Тот день, когда на моей руке ожил вьюнок, был единственным, когда я говорила с отцом и совершенно точно знала, что он у меня есть. К следующему его приезду все вернулась на круги своя – он отдельно, я отдельно. Доброе утро. Как здоровье? Как ваши дела? Спокойной ночи. Все.

Наверное, он очень любил маму. По крайней мере, я так думала когда видела, с каким лицом он о ней вспоминает (хотя эти случаи были настолько редки, что их можно посчитать по пальцам одной руки). Или когда смотрит на меня, точнее, на мой рисунок, выпускающий усики из-под рубашки с максимально длинными рукавами. Теперь я старалась носить как можно более закрытую одежду, чтобы ползающий где ему вздумается вьюнок не вылез наружу в самый неподходящий момент. И волосы носила распущенными, прикрывая лицо – мое растение не разбирало частей тела и ползало, где хотело, оставляя под кожей мягкое прикосновение, похожее на дуновение легкого щеконого ветерка. Отец сказал, у мамы были бабочки... много крошечных бабочек и еще пчелы. Однажды пчела даже цапнула его за палец, когда он прикоснулся в то время как она спала.

А я на нее не очень похожа. Разве что разрез глаз, хотя цвет отцовский – светло-карий, почти желтый. Да и лицо отцовское, почти круглое, только более тонко очерченное. Фигура тоже вполне человеческая, природного изящества жестов и плавности движений, присущих шайнарам, мне практически не перепало. Хотя иногда бабушка, наблюдая, как я делаю что-нибудь по хозяйству, замирала и негромко просила:

– Повтори еще раз...

И я послушно протягивала руку к чашке или вставала на носочки, дотягиваясь до стоявшей на полке посуды.

– Твоя мама временами двигалась удивительно красиво... Словно плыла. Сейчас ты немного на нее похожа.

Но то мама... а я всего лишь ее слабое отражение, полустертый след, полуночное видение, которое тает быстрее утреннего придорожного тумана. Не знаю, что значила для отца я, но когда в шестнадцать вместо очередного посещения пришло известие о его смерти, мне было всего лишь немного печально.

Весть привез дядя, сутулый сморщенный человек с копной темных волос. Он забрал меня с собой в город. Не знаю, почему бабушка подобное допустила. Вернее, подозреваю, что ее никто и не спрашивал, судя по тому, в какой спешке мы уезжали. Как утверждал дядя по дороге, перед смертью отец взял с него обещание заботиться о племяннице, как о родной дочери. Сухо утверждал сквозь зубы, и тогда впервые закралось подозрение, что забрал он меня совсем не по доброте душевной... Иначе отчего смотрит так оценивающе, как на кошелек, пытаясь на глаз определить, сколько внутри монет.

2

Дом был прежним, и комната моя практически не изменилась, разве что книг не осталось, а в занавеске на уровне колен образовалась широкая рваная дыра. Женщина тоже оказалась другой. Хотя она мало отличалась от прежней, но теперь я стала старше и уже не считала ее страшной, хотя и не могла понять, зачем портить здоровый цвет лица пудрой, а красивые каштановые локоны выжигать до состояния сухой соломы.

Не знаю, смогла бы мы подружиться. Наверное, да. Если бы успели...

Через два дня после нашего приезда, вечером, к дяде пришли гости. Женщина спешно собралась к подруге, во время сборки судорожно бормоча себе под нос и нервно на меня поглядывая. Перед уходом ткнула пальцами в стоящие на столе чашки, а после напомнила, где лежат мешочки с травяным чаем и сахаром. Я даже не сразу поняла, зачем. Но как только женщина исчезла за порогом, даже стук захлопнувшейся двери не смолк, как дядя крикнул, чтобы я принесла гостям чай.

Я послушалась. Разве можно оставить гостя без угощения? Не знаю, правда, принято ли в городе подавать к чаю печенье, а вот мы с бабушкой всегда подавали. Крошечные такие круглые монетки с ягодой малины или черники посередине. Очень вкусные.

Однако печенье на кухне не нашлось, вот если бы я знала про приход гостей заранее, обязательно бы испекла. Но теперь придется ограничиться пустым чаем.

С такими мыслями я собрала поднос и отправилась в гостиную. Вошла, вежливо улыбаясь, чтобы пришедшие чувствовали себя в нашем доме уютно.

Гости были странные... очень странные.

Бородатый тощий дед с круглым, надутым животом, будто на барабан натянули тканый сюртук. Огненно-рыжий мужчина примерно дядиных лет. Плотный лысый коротышка с густыми усами. И еще один, единственный из присутствующих молодой, темноволосый, с бледными голубыми глазами. Он бросался в глаза, потому что оказался запакован в глухую черную одежду, закрывающую руки до самых запястьев и шею полностью, как будто старался спрятать побольше кожи, как я.

Странные это были гости.

Когда я вошла, они резко замолчали. И ладно бы только это... Но они так смотрели! Не знаю, как удалось ни разу не споткнуться и не выронить поднос. Сразу захотелось побыстрее разлить чай и вернуться на кухню, подальше от неприлично изучающих взглядов. Щеки покраснели, дыхание сперло, и вообще стало удивительно стыдно. Особенно в момент, когда уса́тый, принимая протянутую чашку, вдруг быстро наклонился ко мне, настолько близко, что пышные усы почти прикоснулись к моей щеке. Я вздрогнула от неожиданности, но чашку удалось удержать и даже не расплескать чай.

– Благодарю, – фальшиво процедил уса́тый и я, неловко кивнув, поспешила отойти к последнему, молодому.

Он тоже смотрел очень пристально, изучающе, но хотя бы без многозначительной, отдающей пошлостью улыбочки. Наверное, потому, что он сам казался ненамного меня старше, подавая чашку, я рискнула посмотреть ему в глаза.

На первый взгляд, плотно запакованный в черное гость показался удивительно безобразным – слишком ровное, тонко выточенное лицо, недостаточно грубое, чтобы казаться мужественным, слишком узкие губы и длинные волосы. Слишком светлая кожа.

Я отвернулась, поднимая опустевший поднос. Наконец-то можно уйти! И пожалуй, когда дядины гости явятся в следующий раз, я притворюсь больной и приветствовать их не выйду. А уж печенье печь и подавно не буду! Разве что с ядом!

Уйти мне помешали.

– Как вас зовут? – с улыбкой спросил молодой человек.

Я посмотрела на гостя еще раз. Интересно, с чего я решила, что он безобразен? Может, плохо рассмотрела? Ну что же... я была неправа. Он утонченно, невероятно красив. По крайней мере, когда так улыбается.

– Улана.

– Сколько тебе лет?

Я крепко сжала губы. С какой стати дядины знакомые задают мне подобные вопросы? И почему дядя позволяет?

– Ей шестнадцать, – ответил он за меня.

Больше вопросов не задавали, и я с превеликим удовольствием убралась из гостиной. Впрочем, странности на этом не закончились – закрывая дверь, я вдруг услышала, как гости быстро заговорили, торопясь и беспощадно друг друга перебивая.

– Тридцать, – ломкий старческий голос.

– Сорок, – чей-то глухой и прокуренный.

– Имейте совесть! Не меньше шестидесяти! – это дядя возмущается.

– Семьдесят, – молодой, тот, что в черном.

Осторожно прикрыв дверь, я опустила пустой поднос на стол и замерла. Это ведь никакие не гости, верно? Это торговцы, у которых с дядей какие-то общие дела. Только почему он привел их домой на ночь глядя? Почему они позволяли себе так смотреть? Отец предупреждал держаться от незнакомцев подальше, потому что от них может быть уйма неприятностей, неужели дядя об этом не знает? Непохоже...

Думай, Ула, думай, повторяла я, как обычно делала бабушка. Думай и возможно однажды увидишь звезды...

До вполне очевидного ответа додуматься я не успела. Дверь распахнулась, и на кухню торопливо зашел дядя. Он был в хорошем настроении, надо же... Глаза так и сияли!

Он даже подмигнул. Жутковато стало. Сколько помню дядю, не в его привычках веселиться без веского повода, а поводы так редки, что не удалось припомнить ни одного. Разве что случай, когда он обобрал пьяного и долго радовался нескольким медным монетам, не иначе как припасенным для дяди в кармане пьяницы самим небом.

– А ну пойдем, – поманил меня одним пальцем. Игриво подтолкнул в спину, когда я осторожно проходила мимо.

В гостиной остался только один гость, молодой. Он стоял у окна, заложив руки за спину, и внимательно следил за нашими передвижениями. Я остановилась на пороге как вкопанная и удивлено оглянулась на дядю.

– Давай, давай, не бойся, – бодро повторял он. Прошел вперед и уселся в свое кресло. Потом повернулся ко мне и удивительно мягко сказал.

– А теперь, Ула, покажи ему свой рисунок.

Смотрящие на меня в упор холодные серьезные глаза никак не вязались с мягким тоном.

Я не сразу смогла вдохнуть.

– Что?..

Он... как он посмел? Рассказать чужаку о моем происхождении? Пусть даже своему знакомому, это ничего не меняет! Раскрыть мой секрет и дать неизвестно кому в руки возможность распоряжаться моей жизнью? Отец никогда не допустил бы ничего подобного! Это называется позаботиться? Нет, это не забота. А значит, а это значит...

– Ула, мы ждем, – теперь дядя говорил совсем не мягко. – Все уже решено. Я обещал отцу о тебе позаботиться, и я сдержал свое обещание. Ты отправишься с этим человеком, который устроит твое будущее лучшим образом. Ты будешь жить в роскоши и ни в чем не нуждаться.

– То есть устроит? – Я не поверила своим ушам! Странная такая забота – передать племянницу чужаку, открыв перед этим самую большую семейную тайну. Кто я дядиному знако-

мому? Никто! А значит, он вполне может попытаться извлечь из ситуации выгоду, к примеру, сдать меня тем, кто готов платить деньги за...

Платить деньги! Торговый спор в гостиную. О мать всех звезд, ну что за дура!

– Вы меня продали? – почти беззвучно спросила я.

Дядя имел совесть принять слегка нашкодивший вид. Как будто... как будто кошку пнул, а не продал собственную племянницу, о которой обещал заботиться, как о родной дочери. Да, не хотелось бы быть дочерью такого типа...

– Ула, так будет лучше. Этот человек пристроит тебя наложницей к какому-нибудь знатному вельможе, и ты не будешь ни в чем нуждаться. Для твоего же блага.

– Для моего блага отправьте меня обратно к бабушке!

Губы дяди, который вдруг совершенно перестал быть даже отдаленно родным, сложились в прямую жесткую полосу.

– Сейчас ты покажешь ему свой рисунок. А после послушно отправишься, куда скажут. А добровольно это произойдет или нет, решать только тебе. Иначе заставим силой. Ты все поняла?

Руки привычным жестом прижались к груди. Я всегда так делаю, когда чего-то пугаюсь. Нужно бежать, да? Нужно хотя бы попытаться!

– Уважаемый, не могли бы выйти и оставить нас одних? – вдруг вкрадчиво заговорил покупатель. Как я могла считать его красивым? Это же работороговец! Как бы мне хотелось, чтобы сейчас этот незванный гость упал прямо у моих ног и в жутких конвульсиях издох. Если бы разъяренный взгляд останавливал чужое сердце, то его уже давно бы не билось! Еще и чай ему подавала!

Даже не заметила, как дядюшка удалился. И что мы имеем? Входная дверь недалеко и наверняка не заперта, если удастся отвлечь этого... этого... его на пару минут, я смогу выбежать на улицу. Только что дальше? Чем это поможет? Одна, без денег и знакомых. С трудом помню, в какой вообще стороне дорога к бабушке. А иначе. Вот оно... Только что догадалась. Еще один вариант, о котором умолчал отец. Помню, открыл тогда рот, посмотрел в глаза и сник, промолчал. Не рискнул пугать четырнадцатилетнюю девчонку. А я все думала, почему промолчал... Ответ-то простой – шайнарских полукровок любят держать в качестве наложниц, ведь это такая экзотика, когда по твоей обнаженной женщине волной плывет изящное изображение какого-нибудь живого существа. Наверное, подобным зрелищем можно любоваться вечно, я иногда так засматривалась на выюнок, что часы проходили, пока удавалось оторваться от этого занятия. Неудивительно, что кто-то готов за такое зрелище платить.

– Ула!

Чего он так кричит! Ненавижу уже. Купил живое существо, как кусок парного мяса на рынке. И подошел так близко. Как же его остановить? Надо бежать...

– Послушай. Ты не сможешь убежать! Тебе некуда идти, а на улице, поверь моему опыту, тебя ждут такие ужасы, что продажа в гарем по сравнению с ними, как несколько песчинок в лицо против груза земли над захороненным заживо. Понимаешь? Про побег забудь. Сейчас мы поговорим, и ты внимательно слушаешь. Ты же девочка неглупая, правда? У тебя красивое имя. У меня тоже есть имя. Меня зовут Янош, – тут работороговец заговорил медленно, практически по слогам, будто я малоразумное существо, толком не понимающее человеческого языка. Что, кстати, говорит?

– Не нужно меня бояться. Сейчас просто поверь, что ничего страшного с тобой не случится. Обещаю. Доверься мне! А теперь просто покажи свой рисунок. Мне нужно его видеть.

Руки сжали ткань платья еще крепче. Он вообще в своем уме? Хочет, чтобы я раздевалась? Перед незнакомым мужчиной? Добровольно?

– Мне не нужно, чтобы ты раздевалась, – терпеливо продолжил работороговец. – Мне нужно видеть только рисунок. Где он сейчас?

Я машинально кивнула назад.

– На спине? Переместить на руку можешь?

Переместить? Неужели их можно перемещать? Ни разу о подобном не слышала, хотя с другой стороны, что я вообще знаю о шайнарах? Так, разные слухи да домыслы.

– Похоже, не можешь, – пробормотал он. – Ну, все равно... Покажи просто ту часть спины, где рисунок, большего я не требую. Я отвернусь. Поверь мне! Всем будет проще, если мы побыстрее с этим разберемся.

Не знаю, почему я послушалась. Что-то было в его настойчивом голосе, как будто он пытался сказать гораздо больше, чем мог.

Тем более он действительно сразу отвернулся. Правда, в сторону входной двери, перекрывая проход.

Не знаю, чем бы все закончилось, но выюнок решил проблему самостоятельно. Словно поняв слова работорговца и сложное положение, в котором я оказалась, он переполз с левой лопатки прямо к основанию шеи. Когда выюнок торопится, это почти щекотно. К счастью, шея не из тех мест, которые следует тщательно скрывать от постороннего взгляда, потому я расстегнула ворот и отогнула воротник. Провела пальцами по рисунку. Не знаю, как я чувала выюнок, каким чувством, ничего необычного на коже не ощущалось, но все же я знала – он там.

– Эй ты... – работорговец напрягся. – Смотри. Только быстро, пока не уполз.

Он мгновенно оказался за спиной. Мама дорогая, знала бы ты, что я делаю – показываю мужчине, которого сегодня впервые увидела, самое ценное свое сокровище. Свое наследство. Свое приданное, губы сами собой усмехнулись. Тоже мне счастье, на такое приданое вряд ли кто позарится...

Неожиданно к моей шее прикоснулся теплый палец.

Раньше, чем я успела возмутиться, палец отдернули.

– Ай, – почти по-детски сказал работорговец. – Надо же... Разве у дикого выюнка бывают колючки?

– Колючки? – изумилась я. Ни разу не видела на своем растении ничего напоминающего колючки.

– Он меня уколол! – обвиняюще сообщил этот... этот продажный человек. Бессовестный работорговец! И безобразный к тому же!

– А нечего руки распускать!

– Да я только...

Спор вынуждено прекратился, когда в гостиную тяжелым шагом вошел дядя. Я мгновенно поправила воротник, закрывая рисунок и накрепко его застегнула.

– Ну что? – дядя остановился так близко, что стало противно. Нет уж, рядом с ним оставаться нет никакого желания. Не хочу рядом. Я отошла, надеюсь, получилось достаточно демонстративно.

Работорговец вдруг преобразился. Никаких следов эмоций на лице, только чрезвычайно скучающее выражение, такое правдивое, будто с него и не слезало. А это не так, я совершенно точно знаю. Каков лицемер! Взгляд с налетом благородной утомленности. Спина прямая, будто плотно привязанная к доске.

– Обычное растение, дикое. Ничего ценного, хотя и лучше насекомых. Еще три золотых добавлю, не больше, – томно сообщил работорговец.

Я заработала от дяди возмущенный взгляд. Похоже, мой рисунок не оправдал его надежд обогатиться еще больше. Взгляд я вернула обратно. У меня больше нет дяди, заявила ему! И мне стыдно, что у нас с тобой общая кровь!

Тем временем работорговец неторопливо отсчитал монеты из бархатного черного мешочка и точным жестом оставил их на столе.

– Пойдем, – мимоходом бросил мне, заталкивая опустевший кошелек за пазуху.

Пойдем? Ноги идти отказались. Куда пойдем? Добровольно отправляться в место, где меня продадут какому-то старому любвеобильному торгашу? Как же мерзко, звездная даль, как гадко...

– Не бойся, – тихо сказал работорговец, оказавшись ближе, и почти силой развернул меня к выходу.

– Вещи...

– Не нужны. Что у тебя там есть хорошего? – поморщился он.

И правда, ничего там нет. Одежда старая, сто раз штопаная-перештопанная, половина из которой вообще мне давно мала. Вряд ли новый хозяин захочет видеть свою наложницу в таком ободранном виде. О Синяя звезда, о чем я вообще? Не собираюсь я быть ничьей наложницей!

– Уважаемый, не могли бы вы проводить нас до экипажа? – вежливо промурлыкал работорговец, одновременно довольно невежливо толкая меня в спину.

– Непременно, – дядя был само великодушие.

Как же так?! Обидно. О звездная даль, как же обидно!

На улицу меня почти вытолкали. Мысли о необходимости бежать прервались в один момент, когда работорговец крепко схватил меня за локоть и быстро потащил к стоящему за воротами темному экипажу. Дверца сама собой распахнулась, он приподнял меня и еще быстрее запихнул в салон. Тут же заскочил следом и захлопнул дверцу.

3

Оказалось, внутри находится еще один человек, пожилой, почти седой мужчина. Он сидел на редкость прямо, хотя на таких мягких сидениях прямо сидеть практически невозможно. Раньше, чем я успела испугаться, на улице раздался грохот, так что пугалась я уже несущихся оттуда звуков.

– Именем закона! – кричал грозный голос и надо признать, звучала эта угроза довольно фальшиво.

Я сжалась на сидении, пытаюсь спрятаться в мягкой обивке. Ну и денек сегодня...

– Сюда его!

– Давай к остальным и вперед, сколько можно тут торчать?! Я с обеда не жрал!

– Да не дергайся, мне вообще жена задаст, что без предупреждения полночи где-то шатаюсь!

Работорговец тем временем приоткрыл шторку и выглянул в окошко. Что-то внимательно разглядывал, потом кому-то кивнул. Когда шторка опустилась на место, карета дернулась и медленно покатила по дороге. Как только это произошло, работорговец самым удивительным образом совершенно изменился. Ожил, повернулся ко второму мужчине.

– Мы их взяли! – восторженно крикнул, сверкая в полумраке экипажа глазами и зубами одновременно. Жуткое сочетание. – Гектор, все удалось, ни единого сбоя! Здорово, правда?

Мужчина довольно спокойно кивнул. Его руки аккуратно лежали одна поверх другой на набалдашнике толстой трости, упертой в пол.

– Вы молодец, Янош, хорошо сработано.

Работорговец тем временем схватился за ворот плотного черного камзола, недовольно поморщился, расстегнул его.

– Жарко как, да еще и натирает. Ула, как вы умудряетесь ходить в такой неудобной одежде? Ощущение, будто в кокон завернули! – пробормотал, расстегивая камзол и с удовольствием его с себя стащил. Под ним обнаружилась белая рубашка с открытой шеей, и тогда я увидела то, что дядин гость так старательно прятал – в ямке между ключиц притаился маленький круглый жетон с крошечными, практически неразличимыми символами. О, звездная даль! Это же... Я подняла глаза.

Работорговец весело подмигнул.

Это же маг!

– Ну что Ула, испугалась? – насмешливо заговорил фальшивый работорговец. – Успокойся, бояться больше нечего. Мы представители закона. Все участники торгов арестованы, а ты теперь под защитой Королевской службы правопорядка. Поняла? – Он просто сиял от удовольствия и если уж на то пошло... Он оказался младше, чем выглядел в доме! Это, вероятно, результат использования иллюзии, меняющая внешность. Маг, однако. Теперь иллюзия местами таяла, открывая похожие, но все же другие черты лица – глаза такие же голубые, но более раскосые. Подбородок тяжелее, скулы более острые.

Жетон сверкнул желтым...

Светлый маг! Хотя, раз на службе королевства, значит, другим быть и не может. Постойте, постойте... Получается, меня теперь никуда не продадут? А что со мной сделают?

Вон как мужчина внимательно смотрит, тот который Гектор. С полным пониманием...

– С вами все будет в порядке, – мягко говорит. Неужели по моему лицу так легко читать? – В любом случае лучше, чем было бы, останься вы в обществе вашего дядюшки.

Работорговец, оказавшийся магом, тут же закивал головой, так часто, будто начал и не мог остановиться.

– Тебе повезло, что твой родственник так плохо разбирается в тонкостях этого специфического рынка. А то попала бы к настоящим торговцам и все... пропала бы. – Он смешно округлил глаза. – И вообще! Ты – самое сложное, с чем я столкнулся за время операции. Чуть не открылся из-за тебя! Обычно товар знает, что его продают, а тут... Даже не знал, чего делать, не силой же тащить!

Меня непроизвольно передернуло. Только сейчас в полной мере дошло, во что меня пытался втянуть дядя. О полуночная царица!

– Ну все уже, все, не бери в голову, – легко махнул рукой маг.

Тоже мне, образец спокойствия! Самому-то не пришлось пройти через такое унижение и страх. Я молчала всю дорогу. Разглядывала закрывающую окно шторку из золотистой парчи. О дальнейшем думать не хотелось. Как так получилось? Совсем недавно жила себе спокойно у бабушки, ловила с соседским мальчишкой и его дедом рыбу и раков, пекла печенье. А теперь сижу в карете с незнакомыми людьми и еду неизвестно куда!

Запугала я себя качественно, но, к счастью, довольно быстро экипаж добрался до места назначения. Им оказалось одно из зданий на территории королевского замка. Правда, эти здания были обособлены и ведущая к ним дорога, по которой мы прибыли, выходила в сторону жилых кварталов, а ворота, ведущие в королевский двор, были наглухо закрыты и загорожены двумя огромными булыжниками.

В центральной части города я раньше не бывала, потому что тут обитали только самые достойные и состоятельные жители. К их числу ни я, ни отец не относились.

Усталость навалилась страшная. Маг почти нес меня, беспрестанно продолжая болтать с Гектором. Куда мы идем? Даже не знаю, стоит ли спрашивать. Где-то тут допрашивают преступников и даже держат в заключении мелких нарушителей. А мне что тут делать?

Гектор оставил нас у какой-то неприметной двери, а сам удалился дальше по коридору. Оказалось, за дверью находится на удивление уютный кабинет. Еще внутри обнаружился невысокий и плотный королевский служащий в форме, которую все они обязаны носить на службе. На казарму эта комната совершенно не походила: два мягких дивана по стенам, большой однотонный ковер, довольно изысканная мебель. Хотя это только на мой вкус, вряд ли я могу считаться эстетом. Эстеткой, то есть.

Мне предложили стоявшее напротив стола кресло. Мужчина в форме встал напротив, быстро наклонил голову.

– Капитан Пестеро, представитель закона, – строго представился и только потом сел за стол. – Вы, конечно, хотите знать, что вас ждет в будущем. У вас есть другие родственники?

Маг устроился на диванчике у стены и имел такой вид, будто провел в этом кабинете все лучшие годы детства, а на этого строгого капитана в детских играх вообще взбирался, как на дерево. В общем, чувствовал себя, как дома.

– Бабушка... далеко.

– Она может вас забрать?

Забрать? Последнее время бабушка очень плохо себя чувствовала, почти все время рядом находилась я или бабка Кашана, которая даже предлагала поселить бабушку к себе в дом, мол, вдвоем им будет проще. А после еще известие о смерти отца... Да еще и меня увезли. Хоть бы она догадалась уйти жить к Кашане, иначе же совсем одна!

И конечно, забрать меня некому. Денег, чтобы нанять провожатого, у бабушки нет. В нашей деревне весь обмен натуральный – мука на коренья, мясо на молоко, ткань на цветные камушки для украшений. Откуда деньги?

– Вас некому забрать, – сделал вывод из моего молчания капитан.

Голова тяжело опустилась. Почему кажется, будто я сама виновата в том, что у меня никого нет? Ведь от ребенка никак не может зависеть, в какой семье ему предстоит родиться и расти.

– Тогда мы предлагаем вам схему, по которой устраивают дочерей обедневших семейств, шайнарских полукровок и прочих благородных девиц, оставшихся без опеки родственников и без собственных средств к существованию. Королевство возьмет вас под свое попечение.

Смешно даже, ей мать звезд! Тоже мне благородная девица. Капитан моих сомнений не заметил или сделал вид, что не заметил – в принципе одно и то же.

– Вам исполнилось шестнадцать, – возраст он назвал после заминки, когда заглянул в лежащий на столе лист. – Значит, вас отправят в закрытую школу, где будут обучать всему, что пригодится в дальнейшей жизни. По достижению восемнадцати лет после выпуска из школы вас определят в один из существующих пансионов, хозяйками которые являются приличные женщины, чье право держать пансионат подтверждено полученным от короля разрешением. Там за небольшую плату вы получите кров и питание, да и подходящую работу вам подберут. Собственно, это единственный вариант, который я могу вам предложить, – задумчиво закончил он. – Вы согласны отправиться в школу?

Интересно, на такой вопрос можно ответить отрицательно? Вероятно, капитану просто необходимо формальное согласие.

Я молча кивнула. Даже говорить не о чем. Наверное, я могу отказаться, и тогда меня сейчас просто выставят на улицу, за ворота. А тут пусть и приличный район, но вряд ли я далеко уйду... По крайней мере, целой. О возможности вернуться к дяде и речи нет, тем более даже приди мне в голову такая глупость, его, судя по разговору в карете, арестовали, и будут держать в заключении как минимум до суда. Отправляться обратно к бабушке без денег и почти не зная дороги, даже полному идиоту в голову не придет. А тут мне предлагают достойную жизнь и возможность научиться самой зарабатывать. В деревне я с этой задачей прекрасно справлялась, но это же город... вряд ли кого заинтересуют найденные мною цветные камешки, потому что здесь они не имеют совершенно никакой ценности, так как не относятся к драгоценностям. И вряд ли кто-то станет кормить меня бесплатно.

А кроме того... Школа, где учатся шайнарские полукровки. Может, там появится возможность узнать что-нибудь новое о магии? Может, там даже учитель будет!

Капитан без промедления крикнул своего помощника.

– Подгоните карету для панны Уланы. Лично доставите в закрытую Северную школу. Пока подготовьте сопроводительные бумаги.

Помощник поклонился и тут же пропал за дверью.

– Немножко потерпите. Вскоре вы сможете отдохнуть, – вежливо, но явно просто от желания выполнить долг, сказал капитан и ту же переключился на мага.

– Ну что, Янош, – улыбнулся на редкость задорно, – сейчас рассчитаемся или завтра подойдешь?

– Сейчас, естественно! А то к тебе, то есть к вам придешь завтра, а вас нет. И послезавтра нет... И через неделю. Так что не сомневайтесь, без расчета и с места не сдвинусь, – маг тут же оказался у стола. Пододвинул вытащенный откуда-то из угла стул и уселся напротив капитана, навалившись локтями на стол. – Так-с, посчитаем... Четыре торговца по три каждый, плюс вся операция в целом без единого пострадавшего! – хитро зажмурился.

– Какие четыре? Торговца вроде только три? – вкрадчиво сообщил капитан, сверяясь с лежащей перед носом бумажкой.

– А как же глубокоуважаемый дядюшка? – картинно изумился маг. – Разве он недостойн великой чести попасть в категорию работоторговцев?

– Единичный случай, – скучным голосом сообщил капитан. – Не считается.

Маг моментально надул губы.

– Обижаете, господин капитан. Кто же так делает? Договаривались за каждого торговца по три, а вы экономить пытаетесь на моей работе? Я, между прочим, рисковал! Вот возьму и

уйду к Стирнову. Он хоть по два платит, зато четко по головам! Да и на рабочем месте его куда проще застать!

– Не будьте столь прижимистым, мой юный друг, – с удовольствием отвечал капитан. Кажется, оба вообще наслаждались беседой. По крайней мере, обо мне напрочь забыли. – Я вставлю вам в отчет о пройденной практике кучу льстивых комплиментов!

– Плевал я на ваши комплименты!

– Да ладно... – на миг капитан удивился. – Ну, тогда пусть вам служит наградой осознание того, что с вашей помощью спасена эта милая девушка. А вашим утешением – ее искренняя горячая благодарность.

Маг перевел на меня глаза. Что это за намеки такие? Никакой благодарности я не испытывала! Янош, видимо, тоже сделал такой вывод, потому кисло скорчился.

– Я счастлив спасти от разрушения судьбу и честь юной панны, но моя квартирная хозяйка не желает брать это счастье в качестве платы за квартиру, – хмуро буркнул.

– Господин студент всегда имеет возможность получить место в общежитии, – ответствовал жестокий капитан.

– Угу. И жить втроем в одной комнате?

– В вашем возрасте я именно так и жил!

– А мне так неудобно! Мы с соседями не сходимся по жизненным ритмам. Когда я хочу спать, они хотят пить. Когда я хочу пить, они – учиться. И так далее... Тем более не могу же я вести в...

Тут маг покосился на меня и замолчал. Капитан довольно оскалился.

– Девушек в гости приглашать? – невинно поинтересовался. – Поверьте мне, Янош, в вашем возрасте вас будут любить и без денег.

Тот что-то неразборчиво пробурчал.

Не знаю, в каких эти двое отношениях и до чего дошел бы разговор, но дверь распахнулась, и помощник сообщил, что карета ждет, бумаги готовы, их осталось только подписать, а он сочтет за честь доставить меня до нужного места, чтобы исключить всякую возможность нежелательных происшествий.

Капитан быстро расчеркнулся на поданных помощником бумажках.

– Бывайте, панна Ула, – весело сказал маг на прощание.

Через полчаса меня доставили к невысокому зданию, которое пряталось в густых зарослях высоченных кустов за плотным забором из камня. Из дома на крыльцо вышла дородная женщина в длинной ночной рубашке, поверх которой висела коряво связанная шаль ядовитого синего цвета, режущего глаз даже в полумраке. В ее руке болтался яркий фонарь. Получив от сопровождающего меня мужчины стопку документов, дама внимательно изучила титульный лист, а после не менее тщательно изучила меня. Что-то для себя решила и широко улыбнулась. Приветливо указала рукой в сторону двери.

– Ну что же, панна Улана, заходите. Теперь это ваш новый дом.

4

За свою недолгую жизнь одно я усвоила крепко – когда звезды хотят изменить твою судьбу, то просто это делают, без скидки на возраст, желания и силы, которых не всегда хватает подобное изменение принять и с ним смириться.

Но ведь не всегда же меняют к худшему!

Я – тому прямое доказательство. Совершенно неожиданно жизнь не просто изменилась, она стала абсолютно другой, но при этом ужасно мне нравилась. Я даже представить не могла, что школьные будни могут оказаться настолько интересными!

Как оказалось, среди учащихся школы встречаются шайнарские полукровки, да не несколько, а не менее четверти от всего числа проживающих здесь девушек! На следующее после приезда утро меня поселили в комнату, где уже жили две девушки примерно моего возраста, Кати и Злата. Когда воспитательница, пани Клара, представила меня соседкам и ушла, оставив нас одних, я думала, как сложно будет ужиться с совершенно незнакомыми людьми в одной маленькой комнатке. Не очень-то приятно делить окружающее пространство, особенно когда нет другого выхода. А еще неизвестно какими окажутся соседки, я хмуро посматривала в их сторону, не зная, как приступить к общению, но неожиданно у Кати на шее расцвел цветок, и я ахнула.

Они обе оказались полукровками, причем Злата – наполовину. Это было потрясающее чувство – знать, что я в мире не одна такая! Я и раньше, конечно, это знала, но никогда не видела других шайнарок живьем, так что убедиться в существовании себе подобных, да еще когда они стоят прямо напротив, руку протяни и можешь дотронуться, это просто сродни чуду!

На Злате жили несколько ящериц, отличающихся друг от друга характером. Когда хозяйка злилась – оживала самая противная из них, костлявая, с длинным раздвоенным языком. Когда радовалась – самая маленькая, с глазами-бусинами навывкате, вращающимися так активно, что казалось ящерица вечно удивлена происходящими вокруг вещами.

Было и второе потрясение, по силе ничуть не меньше первого. Нас учили магии! Преподавательница пани Габриела сама была с примесью шайнарской крови, правда, в таком малом количестве, что учила больше с помощью теории, чем на практике, но даже это превышало все мои ожидания!

Магии, впрочем, учили только шай-парс – так, оказывается, официально называют шайнарских полукровок, и только в свободное от основных занятий время, то есть по вечерам. Днем нам преподавали, пожалуй, все, что только может прийти в голову при словах «закрывать школа для благородных девиц». Танцы, этикет, литературу, музыку, краткий лечебный курс, хозяйственный счет, рукоделие. Кроме того, раз в неделю ученицы старших классов (куда причислили и меня) посещали внеклассные чтения, где одна из воспитательниц вслух читала какой-нибудь сентиментальный роман (естественно, из утвержденного главой школы списка). В каждой истории превозносилось главное в жизни любой женщины призвание – замужество и семья. Любовь к мужу и детям, и да не посетят вас сомнения, что счастье может включать нечто другое! Хвала основному женскому предназначению – суть всех зачитываемых нам книг, которые, по непонятным мне причинам, всегда заканчивались моментом свадьбы, будто после жизни как таковой уже не существует.

В самом начале, только оказавшись в школе, я еще раздумывала, не лучше ли вернуться к бабушке. Написала ей письмо и получила ответ-отповедь, чтобы я не вздумала сделать такую глупость, ведь однажды бабушки не станет, и тогда мне придется рассчитывать только на себя, а раз уж я оказалась под покровительством самого короля, терять такой шанс попросту глупо! Ведь при подобной защите бояться нечего, будь я хоть трижды шай-парс. Никто не посмеет

тронуть воспитанницу закрытой школы. Да еще и обучат магии! Дадут шанс на достойную жизнь в будущем. В общем, даже говорить не о чем, я должна остаться и учиться дальше.

Сложно не согласиться со столь разумными доводами, которые, кстати, полностью совпадали с моими собственными. Тогда я успокоилась и с удовольствием окунулась в школьную жизнь. Никогда раньше не жаловалась на память, читать любила, соображала, по утверждению бабушки, весьма скоро, так что попала целиком и полностью в свою стихию.

Магия давалась мне даже легче всего остального, нескольких занятий хватило, чтобы неплохо разобраться, как ею следует управлять.

Очень легко удавалось улавливать начало процесса, когда от окружающих растений тонким ручейком ко мне стекалась сила. Не имело значения время года и почти не важно расстояние – из классной комнаты на втором этаже я улавливала свет растущих вокруг здания кустов и старательно собирала его вокруг себя. Сила и сама по себе копится, но при моем сознательном участии это происходило куда быстрее.

Я научилась ощущать ее движение. Скапливать большое количество энергии не получалось – это вообще доступно только избранным магам, и то только после длительного обучения и изнурительных тренировок, но все же мой личный запас стал в несколько раз больше, чем был во время, когда я жила в деревне. Сейчас я могла сложить из травы кусок размером примерно метр на метр и сознательно изменить его, создав тончайшую паутинную ткань. Омниум – так назывались полученные в результате изменения магией предметы. Когда я сотворила самый первый, пробный кусок, жесткий и больше похожий на грубую мешковину, преподавательница магической науки сразу заявила, что бояться будущего мне нечего – я способна зарабатывать созданием ткани и украшений, так что без труда себя обеспечу.

Это радовало, хотя я не спешила остаться одна. Мне очень нравилась школьная жизнь, в отличие от многих других девчонок моего возраста, которых местные порядки устраивали далеко не всем. Они хотели больше свободы, ведь нас выпускали за территорию школы только на экскурсию или на прогулку, и только в сопровождении одной из воспитательниц. А девушки хотели свободы, хотели ходить на танцы и знакомиться с симпатичными молодыми людьми. Болтать с ними, кокетничать и кружить головы.

Но подобное времяпрепровождение нам было недоступно. Некоторые искали способы уйти на улицу незаметно, и некоторым даже удавалось нечто подобное проделать. Когда самых удачливых в конце концов ловили на горячем, всех девушек старше тринадцати собирали в большом зале и читали долгую нотацию о недопустимости подобного поведения.

– Вы ведете себя, как... как эти безнравственные магички из академии! – исчерпав другие слова, возмущалась главная воспитательница (в ее устах это звучало практически грубейшим из всех возможных ругательств). – Воспитанным паннам не подобает подобное легкомысленное поведение! Оно больше подходит девушкам, продающим свое тело за монету!

Виновные старательно опускали глаза долу и принимали невинный вид искренне и глубоко раскаявшихся овечек. Я к подобным укорам оставалась равнодушной, потому что не особо понимала, в чем лично моя вина – я-то никуда не бегала, а за глупости других отвечать не могла.

По окончании подобных выговоров нам в очередной раз напоминали главную цель, к которой стремилось королевство, взяв нас на свое попечение. Причину никто не скрывал, да и какой смысл скрывать? Школа дает приют и образование девушкам, чтобы обучающиеся в похожих мужских школах молодые люди (которых было раза в три больше) в будущем смогли найти себе в пару достойную порядочную жену, обзавестись семьей, тем самым укрепив силу и престиж королевства. По утверждениям воспитательниц, примерно 80 % девушек после выпуска из школы в течение первого же года находили себе прекрасных мужей и обретали счастье.

– И что вы хотите получить вместо этого? Вместо нормального дома и обеспеченного мужа, уважающего свою избранницу? Подзаборного пьянчужку? Грабителя и убийцу? – возмущалась воспитательница.

Если честно, сколько я ни думала, так и не смогла понять, чего же в будущем хотелось мне. Жизнь в школе настолько точно вписывалась в рамки моих желаний, что не хотелось ничего менять.

А если уж совсем честно, я даже боялась совершеннолетия, потому что придется переходить к самостоятельному одинокому существованию.

Но на деле все оказалось совсем не страшным, и даже больше – по сути, ничего практически не изменилось. Когда закончилась весна, нам выдали бумагу, подтверждающую, что податель сего получила образование в одной из школ, чье существование одобрено королем, плюс свидетельство шай-парс о владении минимальным уровнем магии и велели собирать вещи.

Пансионат, в который перебралась я и Злата, мало чем отличался от школы. Главным различием стала пусть маленькая и скромная, но зато отдельная комната. Распорядок дня остался прежним, только учеба заменилась работой. И присмотр остался прежним, а воспитательниц сменила хозяйка пансиона мадам Анка. Насколько мы знали, пансионат, лучше всех остальных устроивший будущее своих обитательниц получал от королевства повышенные денежные поощрения, потому что благосостояние хозяйки напрямую связывалось с нашими судьбами.

А, чуть не забыла! Было еще одно отличие, впрочем, для меня оно не имело особого значения – мы могли свободно выходить в город и гулять по улицам без сопровождения. Естественно, предупредив заранее мадам Анку, куда, с кем и на какой срок отправляемся.

Итак, Злата поселилась в соседней со мной комнате. Работу тоже удалось найти без особого труда – Злату устроили помощницей ветеринара, потому что она с помощью своей магии легко устанавливала, чем болеет животное, как давно и даже в каком настроении находится.

Моим прибежищем стал салон швеи Розы, которая, судя по написанному на вывеске: «создает вещи нежнее и прекраснее всех существующих в мире роз». Там я творила ткань. Не скажу, что зарабатывала много, так как на кусок максимально доступного мне размера 85 на 170 единиц у меня уходили силы, накопленные примерно в течение двух суток.

Поэтому в остальное время я занималась шитьем и созданием мелких украшений. Всему этому меня обучили еще в школе.

Часть заработанных денег уходила в качестве платы за пансион, включающий проживание, питание и стирку вещей. Остального вполне хватало на одежду и мелкие прихоти, вроде тканой бабочки на прическу или коробки сладостей к вечернему чаю. К тому же я не сомневалась, что со временем стану более опытной в плане создания бытовых предметов, так что буду зарабатывать больше.

Такая жизнь меня полностью устраивала. Даже появился первый план на будущее – накопить достаточно денег, чтобы, наконец, навестить бабушку. Правда хозяйка пансиона осталась от подобной идеи не в восторге, потому что не хотела отпускать свою пансионерку в дорогу одну. Не скажу, что меня ее мнение волновало, но денег пока не было, потому настаивать на своем я не стала. Вот соберусь в дорогу, тогда просто поставлю перед фактом, так будет проще.

Однажды вечером вторая моя соседка – тоже шай-парс по имени Кассия позвала нас со Златой в свою комнату и во время болтовни сообщила, что завтра вечером идет на сбор, устраиваемый одной из королевских служб, где, по слухам, желающим предложат хорошую высокооплачиваемую работу. Место и время ей назвала какая-то подруга по школе, которая живет в другом пансионате. Кассия предложила пойти вместе с ней.

Мы решили, что причин отказываться нет. Вдруг что-нибудь интересное предложат, ну в крайнем случае, потеряем вечер, зато не будем жалеть об упущенных возможностях.

Как назло, в тот день я задержалась на работе и опоздала. Шел очень мелкий дождь, больше похожий на водяную пыль, отчего казалось, что не столько идешь, сколько плывешь.

Кроме того, из-за мороси совсем не было видно дороги, все размазывалось в серое однотонное пятно.

Чтобы от салона Розы попасть к зданию, где проводили встречу, следовало пройти по улице до самого конца, а потом свернуть под арку между двух домов и сразу попадешь на небольшую глухую площадь, окруженную со всех сторон стенами зданий. Касси говорила, что вход только один, поэтому не промахнешься. Народу на улице, конечно же, не было – пусть дождь скорее символический, но все же холодный и мокрый.

Звук стучащих по мостовой каблуков под аркой превратился чуть ли не в барабанную дробь.

Большую входную дверь и лестницу из трех ступенек я увидела сразу. Площадь была пуста и покрыта полумраком, но у двери стояли два человека, и еще один прохаживался вдоль стены рядом с аркой. Чуть дальше, под навесом, виднелось несколько неприметных экипажей.

Фигура человека у стены показалась мне знакомой, особенно наклон головы, но времени вспоминать не было, ведь я опаздывала! Однако стоило от него отвернуться, как раздался удивленный возглас:

– Девушка! Стойте!

Голос тоже показался знакомым. Собственно, раз уж я все равно опаздываю, пару лишних минут роли не играют. Я остановилась, чтобы рассмотреть человека получше.

Он сразу подошел ближе, покосился на крыльцо и развернулся к нему спиной, будто не хотел, чтобы стоящие там люди увидели наши лица. Повернулся ко мне. Надо же... Вне всяких сомнений, это тот самый маг, что спас меня от работорговцев! Сначала я, правда, так не думала, но со временем поняла, что пусть даже случайно, мимоходом, но все же спас.

– Пан Янош...

Что ж это я! Забываюсь!

Опомнившись, я сделала низкий реверанс, который у меня получался на отлично. По крайней мере, преподаватели хвалили.

Маг удивленно косился на меня, быстро скользя глазами по лицу. Не очень-то вежливо с его стороны так пристально разглядывать малознакомую девушку!

– Ула, это правда вы? – изумлено спросил он. Неужели я настолько изменилась? Вряд ли дело в лице или фигуре. А что еще? Платье обычное, глухое, для прогулок по улице, шляпка тоже скромная, тюль крошечная, только лоб прикрывает.

– Да, это правда я. Добрый вечер.

Он вдруг резко оглянулся на крыльцо, а потом снова на меня.

– Пан Янош! Я рада, что мы встретились!

– Что? – на секунду маг отвлекся от размышлений и посмотрел так, будто я бросилась танцевать перед ним не совсем приличный танец.

– Вы спасли меня, а я не имела возможности вас поблагодарить. Поэтому позвольте воспользоваться случаем и...

Договорить я не успела. Он коротко глянул за спину и вдруг схватил меня за локоть. Крепко сжал.

– Ула... – глухо сказал. – Шли бы вы отсюда.

Все слова благодарности моментально застряли прямо во рту.

– Ч-что?

– Идите домой, Ула, – лицо мага пряталось под полями шляпы, но даже та часть, что не попадала под поля, накрылась тенью. Только губы виднелись. – Идите быстрее и оставайтесь там. Нечего вам тут делать.

Вот так вот... Я молча на него смотрела. Два года вспоминать человека, жалеть, что не успела и слова доброго сказать, а он за секунду смял все хорошее, что о нем помнилось. Ну что же, буду считать, что я его поблагодарила, а теперь пусть катится к черту!

Я задрала подбородок и сделала шаг в сторону крыльца. Дальше не получилось – локоть крепко держали жесткие пальцы.

– Янош, что там происходит? – заорал от входа наглый мужской голос. Неприятный, как у человека, который по определению не уважает никого, кроме себя любимого, а с остальными разговаривает только презрительным тоном, как с личной прислугой. Увидеть лицо этого крикуна я не смогла, на плечо легла рука, отворачивая меня в сторону арки.

– А, это знакомая одна, зашла поведать, – голос мага я не узнала. Развязный, многозначительный, очень похожий на голос мужчины за спиной.

– Янош! Говорил же, не смей на работу баб таскать! Еще раз увижу – жалобу напишу!

– Ну вы же знаете, как это бывает, – выразительно отвечал маг. – Не может дома дожидаться, проверяет, не с другой ли я.

– Я предупреждаю!

– Все, все, уважаемый пан Гарош! Щас вернусь.

Лежащая на плечах рука повела меня к арке. Все случилось так быстро, что даже не было времени возразить.

Протащив меня через арку на улицу, маг завернул за угол и сразу убрал руку.

– Идите домой, Ула. Быстро.

– Почему вы мной командуете? – изумилась я. Меня эти похожие на приказ слова не разозлили, просто очень удивили. Неужели он считает, что может всем указывать и его будут слушать? На каком основании?

– Идите. Где вы живете?

Этот вопрос неожиданно заставил меня замолчать и все-таки отступить. В общем-то, я все равно опоздала на встречу, так что чего зря спорить? Ради самого спора? Ну его... Я развернулась и ушла, пока маг не попытался вывести адрес. Нет уж, такому хаму я не собиралась сообщать, где живу. Да и не человеку, если на то пошло, он же маг! А по утверждению воспитательниц, нет более ненадежных, распутных и беспринципных существ, чем маги. Это, между прочим, касается магов обоих полов.

Вернувшись домой, я еще долго не могла успокоиться, вспоминала, как он меня, будто собаку бездомную, со двора выгнал. Надо было не уходить! Что бы он сделал? Только бы посмел пальцем тронуть, я бы так завизжала, что из всех окрестных домов бы жители сбежали! К тому же... О звездная даль! Он же заявил, что я его любовница!

Несколько минут я судорожно вспоминала, не видел ли кто из окружающих моего лица. Неудобно-то как...

Но нет, никто не видел. Вокруг никого не было, только Янош, те, на ступеньках, находились слишком далеко, чтобы запомнить мое лицо, а на пана Гароша маг смотреть не позволил.

В общем, я сильно расстроилась. Вечер крайне неудачный: под дождем намокла, на сбор опоздала, маг нахамил!

Злата и Кассия тоже вернулись сердитые, протопали по коридору мимо своих комнат и сразу зашли ко мне. Я попыталась объяснить, отчего не смогла прийти, но они не стали слушать, потому что спорили.

Никогда не видела Злату такой злой! Костлявая ящерица высунула голову прямо у нее на лбу и беззвучно шипела, вода из стороны в сторону тонким раздвоенным языком. Иногда с него срывались капли то ли слюны, то ли яда, стекали по коже и растворялись в ней, расходились в глубине дымными пятнами.

– Кассия, это твоя жизнь, делай что хочешь, но ты не права!

– А по-моему, предложение отличное! Что нас тут ждет? Замужество с каким-то нищим воспитанником мужского пансиона? Рождение во благо королевства десятка-другого детей? Скукота!

– Ну и пожалуйста. И вперед! – шипела Злата.

– Да что случилось-то? – влезла я. В конце концов, они сидят в моей комнате и при этом не обращают на хозяйку ни малейшего внимания!

Злата сумрачно посмотрела в мою сторону.

– Ула... ты не пришла.

– Да я... – сказать ничего не успела.

– И прекрасно! – резко закончила Злата.

Кассия хмыкнула.

– Нам настойчиво советовали молчать, – зловещим тоном продолжала Злата, – но раз ты тоже должна была там появиться, я расскажу!

Кассия откинулась на подушку и сделала вид, что ей все это безразлично.

– Мы пришли, – с трудом сдерживая злость, продолжала Злата. – Сначала каждую из нас попросили заполнить анкету, ответив на целую кучу вопросов. Потом собрали листки и сообщили, что подойдут только немногие из нас. Осталось всего семеро, остальных тут же попросили удалиться! Я должна была сразу понять, – пробормотала себе под нос. – В общем! Остались только шай-парс! Всех людей попросили уйти, потому что они не подходят. А потом... потом нам предложили работу.

Она сделала длительную драматическую паузу. Кассия кривила губы в полупрезрительной усмешке, но молчала.

– Они предложили нам работу шпионов. Во благо государства. Никакого принуждения, естественно, все только по желанию! Пару лет обучения и горы денег, почестей и славы!

– Лучше, чем прозябать всю жизнь в этом клоповнике! – не сдержалась Кассия.

Неприятно, конечно. Шпионство не самое достойное занятие, я немного поморщилась. Но Злата... не думала, что она настолько щепетильна! Ведь бегала же на улицу кокетничать с незнакомыми молодыми людьми! Пряталась и подсматривала, чем не шпионская тренировка?

Она поймала мой взгляд и кисло улыбнулась.

– Ты не понимаешь, – почти прошептала. – Нам прямым текстом дали понять, что самый доступный способ добычи информации для таких, как мы, – узнавать ее у мужчин в постели! – она словно выплюнула какую-то гадость и теперь старалась отдышаться.

Воздух срочно понадобился и мне. Ничего себе заявление! Вот так просто... предлагать такое?! Не может быть... Может, путаница какая произошла?

– И что? – вызывающе заговорила Кассия. – О куртизанках ходят легенды! Это здорово! Власть над мужчинами! Приключения, деньги, слава! Или жизнь на кухне в окружении соплей и мокрых пеленок! Рядом с каким-нибудь тюфяком!

– Молчи! – ящерица на лбу Златы угрожающе разявила беззубую пасть. – О скольких ходит? Одна-две? А сколько в тени остаются с изломанной жизнью? Сотни! Делай что хочешь, но к нам со своими уговорами не лезь!

– Да и пожалуйста, клуши! Сидите тут и ждите, пока вас замуж возьмут!

Дверь с треском захлопнулась. Злата помолчала.

– Хорошо, что ты не пришла, – тихо сказала. – Знаешь, что больше всего пугает? У них вся информация осталась... Анкеты, которые мы старались заполнить поподробнее. Теперь, даже если отказалась, все равно останешься у них на примете.

Она резко встала.

– Спокойной ночи.

Спокойной ночи, как же...

Я долго сидела у окна, разглядывала колыхающиеся на ветру верхушки кустов. Жизнь в школе, пансионат, работа... Все казалось таким спокойным, прочным, и вдруг после одного короткого разговора непонятным образом изменилось. Кто нас защитит, вздумай король использовать в своих закулисных играх? Но ведь подобного не станут делать насильно? В такое

невозможно поверить, король заботиться о нас! Мы все на его попечении, может, он просто не знает, что его подопечных пытаются использовать... так? Страшно.

И кстати, Янош... Ведь это он меня туда не пустил! Получается, знал, что происходит внутри? Судя по всему, он не просто стоял у стеночки, он находился на службе! Он работает на этих людей? Сердце замерло. Но почему тогда не пустил?

Ответа не было...

Спала я плохо. Да и как иначе, после таких-то событий?

5

Через три дня я опять задержалась на работе и возвращалась в пансионат позже обычного. Завтра выходной, поэтому сегодня пришлось доделывать шляпку, украшенную измененными мною ягодами и крошечными розочками. Превращать в омниум ягоды мне было непросто, часто вместо застывания они просто скукоживались и становились чем-то, напоминающим по консистенции сухой изюм. Но я безудержно старалась снова и снова. Глупые заказчицы, ей мать звезд! Из вяющей травы и простых полевых ромашек я способна создать просто чудо! А они вместо этого требуют какое-то глупое нагромождение примитивных цветов и ягод!

Ну в общем, как хотят. Вначале я пыталась спорить и предлагать свои варианты, но мне быстро указали мое место. Теперь старюсь не лезть, хотят безвкусный аляпистый комок грубых украшений – пускай носят.

Калитка во двор пансионата была распахнута настежь, рядом на табуретке сидел привратник – дед, который не столько охранял, сколько следил, кто куда ходит, и все ли явились домой до наступления ночи.

Не успела я ступить на мощеную дорожку двора, как на крыльцо выскочила Мейса, проживающая в одной из соседних комнат девушка, чистокровный человек.

– Наконец-то, – торопливо заговорила, – быстрее иди, тебя уже давно ждут!

– Меня? Кто? – удивилась я. Даже представить сложно, кто мог прийти ко мне в пансионат.

– Какой-то важный пан! – выразительно сверкнув глазами, сообщила соседка.

Вот вам и на! Что за пан такой и с какой стати его сюда принесло?

Ну ладно. Проще разок увидеть собственными глазами, чем сто раз прослушать описание. Не мешкая, я вошла в дом, гостиная располагалась справа от прихожей. Не снимая шляпку и перчатки, я направилась прямо туда. И на входе замерла, будто меня из-за угла по голове стукнули чем-то тяжелым.

Важным паном оказался маг собственной персоной. Он царственно восседал на стуле, одет был по всей форме: строгий сюртук, рубашка с воротником-стойкой, узкие брюки, начищенные туфли.

– А вот и панна Ула, – ласково пропела мадам Анка, подсакивая с кресла напротив. – Наконец-то! – воскликнула она, отворачиваясь от мага и многозначительно мне подмигивая.

Точно! Я и забыла!

Реверанс. Не очень низкий, а с чего ему быть низким? Никакой радости появление мага у меня не вызвало. Все дни с вечера посещения сбора Злата ходит печальная и разочарованная. А он явно имеет к прошедшим сборам какое-то отношение и может даже там работает!

Мое нежелание приветствовать гостя вежливо отразилось на лице мадам недовольно поджатыми губами. Ну и пусть себе злится! Она просто хозяйка дома, где я живу и не больше!

– Пан Янош служит в Королевской службе внутреннего надзора, – важно сообщила мадам, пытаясь меня пожурить.

Ах, значит, действительно служит? Нужно было ограничиться сухим кивком головы!

И как он вообще меня нашел?

На лице мага проступила улыбка.

Хотя да... Ему-то найти человека не составит никакого труда, наверняка моя жизнь лежит расписанная по пунктам в одном из ящиков тайной канцелярии. Или даже не особо тайной, судя по тому, что маг легко до нее добрался.

– Пан Янош рассказал, при каких грустных обстоятельствах вы познакомились. Какое счастье, что подобные ему люди следят за порядком и не позволяют такой заразе, как работорговля, ронять престиж нашего королевства! – продолжала давить на мою совесть мадам.

Ясно теперь, как он сюда попал. Кого попало мадам не запустила бы в пансион, полный юных незамужних девиц. Только обладающего всякими положительными качествами молодого человека, ведь чем быстрее и удачнее мадам пристроит своих пансионеров, тем больше у нее шансов получить большое денежное вознаграждение. Уже, поди, решила, что он явился срочно на мне жениться.

А маг, похоже, не из скромных, раз упомянул о том случае.

– Оставляю вас, – мадам поощряющее улыбнулась Яношу и, попятившись спиной к двери, выплыла из гостиной. Ежу понятно, что далеко она не уйдет, а станет подслушивать из коридора или из коморки для метелок и швабр, что примыкает к гостиной со стороны лестницы.

– Пан Янош, – я села напротив. Стягивала перчатки почти минуту, каждый палец отдельно, начинать разговор мне не хотелось.

Потом так же медленно сняла шляпку, поправила вуаль, убрала ее наверх и приколола шпилькой. Если он ждет, что я стану поддерживать дружескую беседу, ему придется ждать до завтрашнего утра!

Он все-таки заговорил:

– Ула... Сегодня вечером в Центральном театре выступает мадам Гур, прибывшая из земель горных горячих озер, ее голос считают чуть ли не самым изысканным в мире. Не хотите сходить со мной и послушать?

Я удивлено опустила руки вместе со шляпкой на колени. Интересные дела! При чем тут вообще приезжая певица?

– Когда?

Он вытащил из кармана круглые магические часы.

– Вы успеете умыться и переодеться, – сообщил. Опустил глаза и задумался. Продолжать маг явно не собирался, а я, честно говоря, понятия не имела, с какой стати должна идти с ним слушать какую-то мадам Гур и один черт, как прекрасно она там поет.

Маг вдруг поднял голову и серьезно посмотрел на меня.

– Я хочу вас куда-нибудь пригласить, но просто не знаю куда. В таверну, наверное, неудобно, ко мне, – он усмехнулся, – еще хуже. Танцевальных вечеров в ближайшее время не намечается, гулять по улице вас вряд ли отпустят...

– Я поняла, – прервала его.

Действительно, понятно. Крайне сложно найти приличное место, куда можно пригласить выпускницу женской школы. Непонятно только, с какой стати приглашать?

В этот момент в гостиную вернулась пышущая добродушием мадам Анка.

– Ула, ты еще здесь? – изумлено вытаращилась на меня. – Иди быстрее, переодевайся, не заставляй гостя ждать! Ах, прелестный голос мадам Гур! Я наслаждалась его звучанием, когда мадам приезжала в прошлый раз! Неподражаемо!

Просто слов нет! Мне бы такую наглость... даже не скрывает, что подслушивала! Но в любом случае, нам с магом следует поговорить начистоту, не зря же он явился, а это лучше сделать в месте, где вокруг не кружат нескромные любительницы чужих секретов.

Поднимаясь по лестнице, я вспомнила, что вечер собиралась провести в обществе Златы, для чего уже куплено печенье с ореховой крошкой. Хотя ладно, завтра выходной, у нас будет целый день для общения. Сегодня разберемся уж с магом. Да и еще вопрос, какое платье выбрать? Вырядаться перед ним не собираюсь, но, с другой стороны, мы отправляемся в место, где собирается приличное общество. Нет, самое лучшее платье оставляю для более приятных встреч. Сегодня надену второе по красоте, со вставками из материи, которую сделала собственноручно. Вот парадокс – создаю весьма качественный омниум, но не могу позволить себе носить вещи из него. Слишком дорого. Смешно даже, ей мать звезд!

Когда я спустилась вниз, маг уже, похоже, изнывал от общества мадам Анки, которая, даже не сомневаюсь, времени зря не теряла и подробно расписала ему все мои положительные качества, большинство из которых существовало только в ее фантазиях. Ну мне, собственно, какое дело?

Отделаться от мадам не удавалось еще минут пять. Я вышла первой, оставив мага прощаться с приветливой хозяйкой самостоятельно. Уже вышла за калитку, когда он, наконец, меня нагнал. Тяжело выдохнул.

– Ужас какой, – удивленно сказал.

Я промолчала. Если помню верно, здание Центрального театра находится на площади с фонтанами, что недалеко от королевского двора.

Маг пристроился рядом и только периодически вздыхал. Не знаю, с какой на самом деле целью он явился, но первой спрашивать не собираюсь!

– Ула, – наконец, сказал он, вздохнув не менее глубоко, чем после общения с мадам. – Я хотел извиниться за тот... За прошлую встречу. Я, наверное, вас обидел? Простите меня.

Прозвучало так искренне... Я даже остановилась и оглянулась. Лицо действительно раскисающееся. Помню, впрочем, какой он лицемер! В любом случае, раз уж начал...

– Я знаю, что произошло на сборе. Что за работу им предлагали! Моя соседка там была. Удивительно, но он побледнел. Совершенно точно! И как неожиданно!

– Вы там тоже служите? – вызывающе спросила я.

Маг не ответил.

– Да?

Он неожиданно развернулся, отошел с дороги к стене ближайшего дома и прислонился к ней спиной.

– Хорошо, Ула. Я не могу не ответить, правда? Послушайте меня.

Пришлось подойти к нему ближе, не думаю, что объяснения мага стоит делать достоянием всех окружающих. Народу, впрочем, вокруг не было, да и вообще мы шли по узкой улице со стороны задних торцов центральных магазинов, а тут редко кто появляется.

– В этом году я закончил академию и сейчас работаю в отделе тайной канцелярии. Не спешите делать выводов! – маг резко поднял руку, хотя выводов делать я пока и не собиралась. – Помните капитана Пестеро, который устраивал вас в школу? Его перевели очень далеко, поэтому мое место работы пока окончательно не определено, я помогаю тому отделу, которому в данный момент нужна помощь. То, что произошло на сборе... Вам, наверное, сложно понять. Знаете, я со многим могу не соглашаться, но нет никаких сомнений, что подобный метод шпионажа очень эффективен. Не говорите ничего!

Я и не собиралась.

– Я и сам не до конца разобрался, – странным голосом сказал Янош. Потом его лицо стало строже. – Но независимо от того, что думаю лично я, в работе во благо королевства мы должны использовать все доступные методы. Одна судьба по отношению к судьбам многих... Этот тяжело понять, тяжело принять, но еще тяжелее в этом участвовать! Но мы должны. Знаете, благодаря кому год назад не случилось войны с землями, откуда прибыла несравненная мадам Гур? Благодаря куртизанке Белый пепел, которая добыла у советника короля озерной страны доказательства внутреннего заговора. Белый пепел, кстати, тоже выпускница закрытой школы...

Сказать нечего. Не ожидала... такого ответа. Маг избегал моего взгляда, как будто ему было неудобно, а может даже стыдно. Я, кстати, оценила поступок – совершенно незнакомому человеку так искренне ответить на такой личный вопрос. Он тяжело сглотнул, вдохнул полной грудью, будто тяжесть ушла и вдруг улыбнулся. Может, не очень искренне, пусть немного печально, но все равно ему шло.

– Не думайте, Ула, – вдруг легко сказал. – Об этом иногда слишком тяжело думать. Зачем? Вас это не касается, да и впереди чудный голос мадам Гур. Вы любите музыку?

Сбить с толку он меня не смог.

– А почему вы меня туда не пустили? – задала я следующий вопрос.

Маг ответил не сразу. Да и ответил ли? Скорее перевел внимание на другую тему.

– Мне нельзя было этого делать. Если об этом узнают, меня накажут, – спокойно сказал.

– Я никому не скажу, – мгновенно ответила я. Почему? Самой интересно... А смысл его закладывать? Ну накажут, а что изменится? Да и за что наказывать? В этот раз он может меня и не спас, но избавил от неприятностей, а это уже немало.

Янош стоял, смотрел вперед и молчал. Я осторожно взяла его под руку.

– Пойдемте, господин маг. А то опоздаем...

Не сказать, что мне особо понравилось пение мадам Гур. Голос у нее на редкость сильный, но что-то было в нем высокомерное. И посматривала она свысока, будто вокруг не люди, а стадо свиней, которые не видят особой разницы между вкусом помоев и редчайших деликатесов.

Я обрадовалась, когда концерт закончился. Янош, судя по облегченному вздоху, тоже. Мы выбрались на улицу в числе первых слушателей и отправились по замощенной брусчаткой дороге к площади с фонтанами. Маг молчал, посматривал довольно неуверенно, и я тоже не знала, о чем с ним разговаривать. Какие у нас могут быть общие интересы? Вряд ли его волнует, останутся ли довольны моей работой покупательницы салона, и какие пирожные купить к чаю – те, что любит Злата, чтобы поднять ей настроение или те, что люблю я, потому что я их люблю.

Мы свернули с большой улицы на более узкую и почти пустую. Редкие прохожие торопились, никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

Маг резко затормозил.

– Ула, вы не голодны? – вдруг торопливо спросил. Я тоже остановилась. Вообще-то я еще не ужинала, но хотелось бы знать, с какой целью прозвучал подобный вопрос? А собственно, чего зря голову ломать?

– В общем-то да, последний раз я ела только в обед.

Улыбка ему, кстати, идет. Говорят, всем людям идет доброжелательность, но это неправда. Потому что доброжелательность, прежде всего, должна быть искренней, а так бывает в лучшем случае через раз. Можно научиться улыбаться через силу, но такой улыбкой никого не обманешь, потому что глаза остаются холодными.

А Янош улыбался очень искренне.

– Пойдемте в трактир пана Седоусого? Он как раз недалеко, и место там вполне приличное, чистое. Пьяных сразу выводят на улицу, драк не допускают. В общем, обещаю полную безопасность. Пойдемте?

Никогда не была в трактире, если честно. Это однозначно одно из мест, совершенно неподходящих для выпускницы закрытой школы. Если уж на то пошло, после подобного предложения мне следовало моментально дать деру и в будущем держаться от мага подальше.

Но у него такое растерянное лицо! И взгляд чуть ли не умоляющий, честное слово!

– Хорошо. Только я сама за себя заплачу.

– Если хотите... – к счастью, спорить он не стал.

Определенно, улыбка ему удивительно идет!

Резко подул сильный ветер. Пришлось хватать шляпку рукой, чтобы не улетела, совсем неохота бегать потом за ней по улице. Я видела такое пару раз. Зрелище просто обхохочешься! Ну, естественно, если смеются не над тобой.

– Ба! Кто это тут у нас? – раздался сквозь стонущий ветер игривый женский голосок.

Мы обернулись одновременно.

Девушка быстро приближалась, картинно виляя на ходу бедрами и широко улыбаясь. Покосилась на меня и вернулась к магу.

– Янош! Чего делаешь?

Когда она оказалась близко, я увидела в вырезе платья круглый кулон, на секунду вспыхнувшей желтым светом. Магичка! Так близко я с ними раньше не сталкивалась. Кстати, ничего вызывающего в ее внешности не было, платье вполне приличное. Разве что волосы распущены, но магам и не такое позволено. Тем более они прямые, не очень длинные и вполне обычного коричневого цвета. Зря, выходит, болтали, что магички, все как одна, предпочитают раскрашиваться в яркие, вызывающие цвета.

– Ты с дамой? – улыбалась девушка. Подойдя ближе, она уставилась на меня с не меньшим любопытством, чем я на нее.

– Леста, – Янош вежливо поклонился. – Что ты тут делаешь?

– Кто это? – с любопытством спросила магичка, совершенно игнорируя прозвучавший вопрос. Маг неожиданно вспомнил о правилах приличия.

– Ула, познакомься, панна Леста. Мы вместе учились. Леста, это панна Ула, моя...

Янош замялся, не зная, как меня представить.

– Новая подружка? – вопросительно подняла бровь магичка.

– Ула – выпускница закрытой школы, – возразил Янош.

– Да? – Леста буквально вытаращилась и даже на миг дернула рукой, будто хотела меня пощупать, но вовремя сдержалась. – Ничего себе! Янош, ну ты даешь! Ты теперь...

– Заткнись, – очень неожиданно сказал маг.

Вот вам и на! Я жутко удивилась и в свою очередь вытаращилась на Яноша. Надо же, целый вечер рядом, а даже представить не могла, насколько он хам!

Но магичка в ответ только расхохоталась. Она совершенно не обиделась? Вот уж вдвойне странней.

– Молчу, – покладисто склонила голову. – А вы куда идете?

– К Седоусому собирались, поесть, – теперь Янош улыбался, мягко смотря на меня. Пожалуй, я забуду его хамское поведение по отношению к даме, потому что ей, похоже, без разницы. К тому же, говорят, в магической академии царит полнейший бардак, и кто знает, может, для них подобное общение просто в порядке вещей?

– Отлично! Я тоже туда.

Леста моментально взяла мага под руку, разворачивая в нужном направлении.

– Ула, – вдруг обратилась ко мне. – Держите его с другой стороны.

Я молча послушалась. Втроем мы неторопливо отправились туда, куда мне, наверное, идти не стоило. Но, честно говоря, отказаться просто невозможно! Ладно, таверна. Но ведь рядом живая магичка!

– Помните, Ула, – таинственно улыбалась она. – Яноша нужно держать о-очень крепко!

Вот уж глупости какие, право слово! Нужно мне его держать! Говорить вслух я такое, правда, не стала.

– А кто там, у Седоусова? – оживился Янош.

– Череп с Лукавым ждут, договорились встретиться вечером.

– А что ты тут делаешь? Тебя вроде с группой в панство Красногорных отправляли?

– Отправляли, – мрачно подтвердила магичка. – Уже вернулись.

– Так быстро?

– Да что там делать! Больше крику было, – поморщилась Леста. На меня маги уже не обращали никакого внимания.

– Приехали на место, думали, правда, злые разбойники. А там жалкая кучка крестьян из деревни, где пожаром все выжгло. Они с вилами на нас бросались, жалкие, грязные, полу-

голодные. Как вспомню, сердце кровью обливается... А приказ короля уничтожить угрозу, не отвертись, – она вдруг замолчала и отвернулась. – Не хочу об этом! Давай не будем лучше.

– Не будем, – очень быстро согласился Янош.

Наша троица как раз подходила к таверне. Ветер становился все сильнее, и внутри нас почти что задуло.

Ровно через пятнадцать минут мне казалось, что я бываю тут чуть ли не каждый день, а всех окружающих магов знаю практически с детства. Остановка таверны полностью соответствовала своему назначению – деревянные столы и лавки, музыкант в углу и длинная стойка, за которой огромный усатый мужчина разливал напитки. Светло, тепло и пахнет вкусно.

Мы сразу присоединились к двум магам. Один тощий, коротко стриженный, волосы такие светлые, что кажется, будто он совершенно лысый. Я думала, это Череп, но оказалось – Лукавый. Черепом мне представили второго, высокого и пухлого.

– Панна Ула, – коротко представил меня Янош, усаживая напротив остальных.

– Ула – выпускница закрытой школы, – многозначительно подняв брови, добавила Леста, втиснувшись между двумя сидящими магами, и, без всякого сомнения, придвигая к себе одну из их кружек пива.

– Да ну! – на меня тут же уставилось две пары изумленных глаз.

– Что-то не так? – поинтересовалась я. Не понимаю, прямо какие-то магические слова, после которых все сразу смотрят, как на чудо небесное.

– Нет, с чего ты взяла? – ответил Лукавый, не переставая совершенно невежливо изучать мое лицо и платье.

– Ну, если со мной все как обычно, то есть отсутствуют рога, хвост и чешуя на носу, тогда я просто теряюсь в догадках, чем объяснить столь пристальное внимание к моей скромной персоне.

Не знаю почему, но на секунду мне жутко хотелось нагубить. Еле сдержалась. Да и не стоит, наверное, грубить магам, кто знает, чем это может закончиться?

– И правда, пансионерка, – заявил Череп, косясь на Яноша.

– Закрыли тему. Ула, что вы хотите попробовать?

– На ваш вкус.

Маг кивнул и подозвал официантку.

– Давайте без «вы», я путаюсь, – поморщился Череп.

– И правда, не на приеме, – поддержал Лукавый.

Почему нет? Я согласно кивнула. Пусть обращаются на «ты», от меня не убудет.

Тем временем Леста уже отпивала пиво из большой кружки Череп, а после они заговорили в три голоса, обсуждая какого-то не очень чистоплотного в плане приема экзаменов магистра и поминая недобрым словом всех королевских советников, вместе взятых. Отменно ругались, если честно. Я просто заслушалась!

На вопрос о работе Леста помрачнела и негромко сказала:

– Работаю всего пару месяцев, а уже кажется, никогда не отмоюсь. Давайте не сегодня.

А Янош почему-то на меня посмотрел, как-то виновато, что ли. Будто извинялся. За что?

Вскоре мне принесли печеные колбаски с тушеной капустой и густой ягодный морс. Слишком жирная пища, но все равно очень вкусная.

Совершенно неожиданно из-под рукава выполз выюнок и потянулся к вилке, пытаясь ухватиться за нее усиками. Он иногда так играл, когда становилось слишком скучно.

Я не сразу поняла, что все замолчали. Леста подняла на меня круглые глаза.

– Шайнарка? – изумлено спросила.

– Шай-парс. Полукровка, – ответила я, следя, как выюнок исследует вилку и уползает назад. Предмет его не заинтересовал.

Если вспомнить, всего пару лет назад я жутко боялась, что мое происхождение станет известно посторонним людям, а сейчас совершенно спокойно к этому отношусь. Жизнь в школе убедила, что опасаться мне нечего. По крайней мере, так было до недавнего времени...

– И что ты можешь? – не унималась Леста, обнимая пивную кружку. Кружка была размером практически с голову магички.

Я пожала плечами.

– Я омни-шай. Та, что берет силу у растений. Могу делать из них всякие украшения. Омниумы, измененная жизнь, пойманная временем. Я этим зарабатываю.

– погоди, погоди! – магичка вдруг подскочила и, простучав по деревянному полу каблучками, исчезла на улице. Я удивиться не успела, как она вернулась и положила на стол передо мной короткую ветку с тремя небольшими листочками.

И уставилась с ожиданием, хлопая круглыми глазами.

Смешно... Остальные тоже скорчили просительные мины. Даже на лице Яноша застыло любопытство. На меня так дети в деревне смотрели, когда я приносила и показывала измененные предметы. С восторгом, практически открыв рот. Я не стала выделяться, а просто подняла ветку, погладила пальцами листья, легкое свечение, которое другим незаметно, – и в руке осталось изящное серебристое украшение с ажурными лепестками.

– Отпад! – выдохнула магичка, выхватив ветку и поднеся к носу.

– Ничего особенного, – я пожала плечами. Видели бы они мою паутинку, вот где сложности! Стоит на миг отвлечься или плохо сосредоточиться – и кусок ткани насмарку. Его, конечно, приспособят на более мелкие, малозаметные детали кройки, но все равно заплатят куда меньше.

– Ничего особенного? – Леста наклонила голову вбок и вдруг резким движением положила передо мной ладонь, прижимая к крышке стола.

– Смотри внимательно, – сказала, прищурив глаза.

На несколько секунд замерла. Медленно выдохнула.

Потом очень неожиданно схватила второй рукой нож и со всей силы замахнулась, опустила его, целясь прямо в середину своей руки.

Я чуть не вскрикнула. Но нож отскочил от чего-то невидимого над рукой и съехал, уткнувшись глубоко в дерево рядом с ее ладонью.

Ничего себе шуточки! Она совсем, что ли, дура? Я подняла на магичку глаза, Леста мрачно улыбалась одним уголком рта.

– Вот это – ничего особенного, – заявила. – Любой первокурсник может проделать подобный фокус.

И, забыв про меня, снова принялась рассматривать омниум.

Аппетит неожиданно пропал. Не очень благоразумно оставлять ужин недоеденным, но, с другой стороны, порции здесь не маленькие, половины, которую я успела съесть до того, как мы принялись обмениваться демонстрацией своих возможностей, вполне хватит дотянуть до завтрака.

– Ула, вам, наверное, нельзя возвращаться домой слишком поздно? – неожиданно подал голос Янош.

– Точно! Я и забыла. – Прекрасный повод отсюда уйти. Сложно с ними... с магами этими. За вечер не привыкнешь. – Наверное, мне пора.

– Чего так рано? – Леста на секунду оторвалась от своей новой игрушки. – Возьмешь потом извозчика и довезешь за пять минут.

– Леста, я из нищего студента стал бедным служащим. Не с моими финансами раскатывать на извозчиках, которые перед выходными имеют дурную привычку поднимать цены втрое.

– Есть такое, – невесело вздохнула магичка. Улыбнулась мне.

– Ну что, Ула, бывай. Приятно было познакомиться. Приходи еще. И Яноша не бойся, он хороший.

– Спасибо. Мне тоже очень приятно, – я вылезла из-за стола и пошла вслед за магом к выходу. Не бойся? Вот еще, я и не думала его бояться!

На улице оказалось удивительно свежо и приятно. Ветер отсутствовал. И кстати, действительно следовало поспешить, чтобы успеть домой вовремя, а то привратник нажалуется мадам, а она потом будет долго пилить меня.

– Вообще на извозчика хватило бы, – маг достал из кармана несколько монет и посмотрел на них практически в упор, будто впервые видел. – Впритык. Но хочется пройтись. Ты как?

– Конечно, лучше пройтись, – поспешила ответить я. Не хотелось, чтобы кто-то тратил на меня последние деньги. Думаю, одни только билеты на концерт обошлись ему недешево, мадам Гур, судя по ее снисходительному взгляду, брала за свой голос немало. К тому же погода замечательная.

Успели мы вовремя. Калитка еще открыта, значит, все нормально. Станный какой-то был вечер. Маги... Трое! Магичка! А что они вытворяют! А как общаются! Грубят друг другу прямо в лицо, говорят разные гадости, но в ответ почему-то смеются и не обижаются. Вот уже будет, что рассказать завтра Злате.

Когда мы распрощались, и я уже шла к выходу, совершенно неожиданно маг догнал меня и перегородил дорогу.

– Ула... А можно я еще приду? – неуверенно спросил.

Даже странно, почему он говорит таким тоном, будто боится услышать ответ? И зачем вообще спрашивает? Вот пришел же сегодня и даже не поинтересовался, будут ли его рады видеть.

Кстати, а буду ли я рада видеть его еще раз?

Стоило на секунду заглянуть в светлые глаза напротив, как ответ был совершенно определен.

Да.

– Конечно, Янош. Я буду рада вас видеть, – тихо ответила я.

А улыбка, между прочим, идет ему просто безумно!

6

Какая-то польза от вечера точно была – Злата, слушая рассказ о магах так впечатлилась, что даже вопросы не сразу смогла задавать. Но уж когда смогла, вытянула все – и какое именно платье носила магичка, и не становится ли страшно, когда их жетон сверкает, ведь это значит, что у мага полный резерв силы и он может натворить много чего неприятного. И неужели они все действительно такие грубияны? Нет, просто слова любопытство Златы удовлетворить не смогли, так что пришлось клясться всеми самыми страшными клятвами, что я при первой же возможности познакомлю ее с магами лично. На том и порешили. Не уверена, правда, что еще с ними увижусь, разве что Янош...

Прошло уже несколько дней, но маг не появлялся. Я не стала слишком долго об этом размышлять, предпочла с головой уйти в работу.

В последний перед выходными день салон мадам Розы встречал меня открытой нараспашку дверью и полным бедламом внутри. Служанки сломя голову носились по помещению, а хозяйка с дикими глазами стояла посреди всего этого безобразия, бессильно опустив руки и подняв к потолку умоляющий взгляд. Из ее рта безостановочно неслись слова выдуманной молитвы:

– Святая заступница! Пусть Ветта останется довольна! Пусть найдет, что ищет! Умоляю! Пусть вернется!

Я взглядом поинтересовалась у помощницы мадам Розы, что, собственно, тут происходит? Она тут же утащила меня за рукав в коридор, где толкнула в угол за дверью.

– Принесли записку на рассвете, наш салон сегодня посетит Ветта, одна из фавориток короля! Самая молодая, прекрасная, модная! Если ей понравится салон – это будет просто шикарно! Мадам разбогатеет, прославится! Ну и нам что-нибудь перепадет.

Я поморщилась. Тяжело, когда твое будущее благосостояние в чем-то зависит от любовницы короля. Все знают, конечно, об их существовании, и вначале нам со Златой было трудно понять, как он одновременно может совмещать содержание любовниц и закрытые школы, и пансионы. Что-то неправильное в этом было, будто речь о двух совершенно разных людях. Ведь он официально женат, а нам безостановочно твердили, что брак священен!

Потом мы просто махнули рукой, потому что плохо разбирались в мужчинах, но зато пришли к выводу – реальные мужчины мало напоминают в тех идеальных, о которых твердили в школе. Меня чуть не продал собственный дядя, Злату бросили еще в младенчестве, она выросла в приюте и не знает, есть ли вообще у нее родственники. По кому нам судить о мужчинах? В книжках, которые выдавали в школьной библиотеке, они, все как один, описывались милыми, заботливыми, честными и порядочными. А в жизни? Ну, магов сразу можно отсеять, они, похоже, именно такие, как говорят, – плюющие на все условности хамы. Даже когда ловко это скрывают. Да и чего там маги, когда сам король, не скрываясь, содержит любовниц и тратит на них немало денег из казны?

А о ком еще судить? О вечно сонном пожилом привратнике? О хмурых представителях закона, следящих за порядком на улице? Мы не знали...

До обеда я сворачивала ткани, выставляя на витрину те, что побогаче и поизящнее. Надевала на манекены самые модные модели сезона, остальное служанки убирали с глаз подальше, в кладовку.

Созданные мной украшения вместе с образцами паутинной ткани мадам Роза разложила на главном прилавке. Я давно хотела попробовать сделать новый вид ткани – более плотную, текучую, со вставками из больших цветов, но мадам на подобное предложение отмахивалась и не разрешала напрасно тратить силу.

– Пусть пока будет, что есть! – говорила.

Ветта прибыла внезапно, несмотря на то, что ждали ее, начиная с раннего утра.

Большой роскошный экипаж с блестящим лаковым покрытием и тонкими решетками на окнах появился будто из ниоткуда. Резко остановился. С задней ступеньки моментально соскочил лакей и распахнул перед хозяйкой дверь.

Я наблюдала за происходящим из окна второго этажа. Тишина в доме наступила просто мертвая.

Ветта оказалась миниатюрной смуглой девушкой с детским лицом, однако формы тела имела далеко не детские. Пышные бедра, высокая грудь и перетянутая корсетом узкая талия. Вот, значит, какие девушки нравятся королю...

Она стремительно прошла в здание, и внизу мгновенно раздались голоса. Слов не разобрать, но первый голос явно принадлежал мадам Розе, а второй, очень тихий видимо гостье.

Я не стала прислушиваться и занялась делом – на корсаж очередного заказанного платья требовались украшения. Я сворачивала траву мелкими кольцами, пытаюсь ухватить момент, когда она начнет разворачиваться, чтобы создать омниум движения. Не то чтобы сильно хотелось угодить клиентке, просто было любопытно, получится или нет.

Получалось, правда, не очень. Но мадам и такие использует, пусть, на мой взгляд, они несовершенно, но это же на мой! Я уже убедилась, что окружающие обычно остаются в полном восторге даже от тех омниумов, которые мне самой кажутся неудачными и просто некрасивыми.

Я так увлеклась, что не услышала голосов. Оказывается, меня звали. В комнату забежала одна из служанок, срочно требуя спуститься вниз.

Вблизи Ветта оказалась еще интереснее. Пухлые губы, капризные глаза, но я бы не сказала, что она кажется глупой, как поговаривали с утра в салоне. Смотрела она, может, и со скукой, но внимательно. По-моему, дуры так не смотрят.

Как только я вошла в приемную комнату, где выставлялись примеры предлагаемых салонных моделей и работ, Ветта подняла на уровень глаз один из моих омниумов.

– Это ты сделала?

Ни здарсьте, ни до свидания, сразу к делу. Я не стала изображать оскорбленную невинность, потому что мне тоже не особо хотелось тратить время на обмен неискренними любезностями, потому просто кивнула.

Кстати, вот еще что интересно – выбрала она не глупые ягоды и огромные пышные цветы, что лежали на самом виду, а тонкий стебель с крошечными игольчатыми листьями, который мадам сунула с краю, видимо, просто для весу и общего количества.

Получается, гостья выбрала самый, на мой взгляд, качественный омниум. Интересно...

– И это ты сделала? – нетерпеливо спросила она, указывая пальцем на кусочки паутиной ткани. Их выкрасили в наимоднейшие цвета и разложили на столике рядом с омниумами и картинками разных моделей платьев.

За спиной гостьи обмахивалась веером красная от волнения мадам.

– Да, я.

– Какой их изначальный цвет? – спросила Ветта, вороша кусочки одним пальцем.

Я посмотрела – цвета придавали ткани странный и, по-моему, не совсем приятный вид. Начального не было ни одного.

– Здесь его нет.

– Сейчас, сейчас, – заторопилась Мадам, старательно взмахивая рукой. Самая догадливая помощница бросилась в соседнюю комнату и мгновенно вернулась с куском некрашеной ткани в руках. Последние несколько сезонов в моде были осенние тона – золотистый, багровый, охряный, потому начальная серебристая ткань, невзрачного цвета, по сравнению с новомодными, никого не интересовала.

Кроме Ветты. Она молча крутила кусочек в пальцах, сжимала и смотрела на свет.

– Сколько времени понадобится, чтобы сшить из такой ткани бальное платье? – развернулась к мадам.

– Какой модели?

– Утренняя дымка со шлейфом.

Мадам замерла, лихорадочно подсчитывая расход ткани. А я итак могу сказать – девять отрезков, плюс один на шлейф. Пусть даже два куска ткани сейчас лежит в кладовке, но семь по два дня... Две недели плюс шитье.

– Шестнадцать дней, – нетвердо выговорила Роза.

Ветта недовольно нахмурилась.

– А быстрее?

Пришлось пожалеть бедную мадам, в мыслях уже кажется распрощавшуюся с прибылью, а также с последующими за прибылью богатством и знаменитостью.

– Я не смогу сделать ткань быстрее. Это очень сложно, на кусок уходит энергия двух дней.

Гостья на секунду задумалась.

– А если восстанавливать твой резерв мгновенно, за сколько сделаешь?

– Восстанавливать? – я удивилась. Маги могут, конечно, восстанавливать силу друг другу, но только самые могущественные и при этом обладающие собственным огромным резервом, иначе организм откажется делиться в ущерб себе. Исключая темных магов, которые восстанавливают силы совсем другим способом, но не может же любовница короля предлагать человеческие жертвоприношения, только чтобы побыстрее получить бальное платье? Тем более метод чужой крови подходит только людям, а для шай-парс вовсе не доступен.

– Представь просто, что энергия не заканчивается, – нетерпеливо взмахнув рукой, сказала Ветта, – сколько времени понадобится, чтобы подготовить платье?

– Три дня, – быстро вставила из-за спины мадам. Ветта изволила обернуться и обратилась к ней.

– Отлично! Я приеду после выходных и эта... ваша эта... помощница сделает ткань. Все ясно?

– А энергия? – полюбопытствовала я. Даже обращение «эта» мимо ушей пропустила. Интересно, как она собирается восстанавливать силовой резерв?

– Не волнуйся, я привезу своего... друга, – по многозначительности тона даже я поняла о какой «дружбе» речь. – Он будет восстанавливать твою энергию.

– Как?

– Так, – пухлые губки Ветты расплзлись в снисходительной улыбке. – Он – шайнар.

После этих слов про меня совершенно забыли, что было только на руку. Как любопытно... Я поднялась обратно в рабочую комнату и задумалась. Никогда не видела чистокровного шайнара! После выходных увижу. Что это интересно за друг такой с огромным энергетическим резервом, да еще и согласившийся тратить силы на ерунду вроде платья любовницы? А говорят, люди их не особо интересуют, ни в каком плане. Хотя шай-парс их, похоже, интересуют еще меньше...

Как-то все было неожиданно и странно. Но, к счастью, у меня нет привычки долго рассуждать о том, что от меня мало зависит, потому вскоре я снова выбросила из головы все лишнее и занялась работой. Не заметила, как день прошел.

Правда, выйдя на улицу, я вдруг подумала, а какие же у шайнара будут рисунки? Вот уж правда вопрос без ответа, но как интересно! Глубоко задумавшись, я прошла по дорожке до поворота, завернула за угол и почти уткнулась носом в мага.

– Янош?

Служебная синяя форма с блестящими пуговицами ему шла, хотя и делала каким-то слишком серьезным и совсем взрослым. Кстати, я даже не знаю, сколько ему лет.

– Янош... А сколько тебе лет?

Он тихо засмеялся. Глаза прищурились, будто он взглянул на вспыхнувший в темноте огонек.

– Двадцать три. Ты не спросишь, что я тут делаю?

– Что ты тут делаешь? – с готовностью поинтересовалась я.

– Тебя жду.

Совершенно точно в прошлый раз я не ошиблась, я очень рада его видеть. Даже немножко настораживает – разве возможно так быстро привыкнуть к присутствию поблизости совершенно незнакомого человека?

– Зачем? Хочешь меня куда-нибудь пригласить?

Домой совсем не хотелось. Ведь Яноша там точно не будет!

Он кисло поморщился:

– Нет, извини. Я ненадолго. Зашел спросить, будешь ли ты на завтрашнем празднике?

Король обещал фейерверк и большой оркестр в парке.

– Конечно буду. Но я со Златой иду. Это моя подруга.

– Ладно, я тоже с другом приду, – глаза у него сегодня немножко темнее обычного. И запавшие какие-то. Лицо, кстати, тоже уставшее.

– Устал?

– Немного.

– Работа?

– Да. Бывают временами срочные дела, – он задумчиво посмотрел в сторону. – Не страшно, выплыву ночью, приду в норму. Где встретимся?

– Давайте на аллее за круглым фонтаном?

– Отлично. Теперь пойдем, я тебя до дому провожу.

– А спать?

– Я буду спать куда спокойнее, убедившись лично, что по дороге к дому к тебе не пристают разные молодые люди, – чопорно заявил Янош, подавая мне локоть.

– О каких молодых людях речь? – поинтересовалась я. Что-то не припомню, чтобы ко мне подходили знакомиться. Такого эффекта, кстати, добиться весьма просто – достаточно сделать лицо посуровее и настойчиво смотреть прямо вперед. Еще не помешает что-то невнятно бормотать под нос, но это только в крайних случаях. Проверено – никому и в голову не придет знакомиться!

Янош, правда, не знал, какой неприступный вид мы со Златой привыкли принимать во время прогулок по улицам. Иначе вряд ли бы так разволновался.

– Ну, во-первых, о неприличных молодых людях и их назойливых комплиментах. Но куда больше меня волнуют приличные! Ведь ты можешь обратить на них внимание, – мягко объяснял Янош.

Он и правда сильно устал. Вскоре замолчал и всю дорогу только улыбался. Впрочем, мне этого хватало. Зато я успела рассказать о своей работе, о вечерних чаепитиях со Златой и обещании показать ей самых настоящих магов. Желательно, живых.

– Завтра покажешь. Бронислав так сильно похож на мага, что в официальных учреждениях от него даже доказательств не требуют, – сказал Янош на прощание. И остался стоять на месте. Как же не хотелось, чтобы он уходил! А хотелось пойти и убедиться, что он действительно ляжет спать.

– А ты далеко живешь?

– Нет, за рынком.

К сожалению, убедиться лично не получится. Я не могу идти к нему домой, как бы ни было его жаль.

– Иди, Янош. Завтра уже скоро...

Я не стала тянуть, развернулась и ушла первой.

Злата от новости о завтрашней встрече с магами пришла в щенячий восторг. Вечер был потрачен на тщательный выбор платьев и причесок, даже купленные к чаю пирожные остались практически нетронутыми. Перед сном я их спрятала в своей комнате, чтобы Злата ночью не съела – была у нее такая привычка, проснется за полночь и ест все, чего под руку попадет. А ночью есть вредно, особенно сладкое, потому я старательно с этой ее дурной привычкой боролась. Безрезультатно, надо признать.

Утром Злата меня разбудила рано утром, не дав толком выспаться. Выяснилось, что выбранные вчера наряды при свете первых лучей утреннего солнца растеряли всю свою привлекательность и, кроме того, ей не хватает украшений для задуманной прически. Сквозь сон я пообещала сделать омниумы, чего она, похоже, и добивалась. Спать, однако, все равно не дала.

За обедом немного испортилось настроение от новости, что Кассия вчера куда-то переселилась, как сказала хозяйка, в другой пансион расположенный ближе к работе, но адрес не назвала. С того самого злополучного вечера мы с Касси так и не помирились, жаль, что не удалось толком поговорить перед отъездом. С другой стороны, если бы она хотела мириться, пришла бы сама. А так... Нет, ну и не очень-то и хотелось!

Второй новостью стало известие о вечере знакомств, который проводится в пансионе несколько раз в году и куда приглашаются ищущие жен выпускники мужских школ. Значит, совсем скоро придется старательно улыбаться, весь вечер говорить одни только вежливости и упаси светлое небо спрятаться в углу и попытаться избежать общества пришедших кавалеров – хозяйка потом все мозги выест!

Зато после обеда мы выспались всласть, и уже я будила Злату. К вечеру она немного успокоилась, что было весьма кстати, потому что я боялась выводить ее в таком возбужденном состоянии в люди, все равно что пятилетнего ребенка, совершенно несдержанного на язык и каждую секунду подпрыгивающего на месте.

Я сделала омниумы и занялась ее прической. Волосы у Златы светлые, как и глаза, но кожа совсем не бледная и румянец естественный. Маленький нос, круглый подбородок, может она и не красавица, но лично мне очень нравилось ее лицо. Как и характер. Злата никогда глупо не хихикала, рассуждала здраво, уважала себя и других, но все в разумных пределах, без фанатизма. Практически по всем вопросам наши с ней мнения полностью совпадали.

Я любила Злату, по большому счету никого ближе у меня не было. Бабушка разве что, но она слишком далеко. Были, конечно, у Златы недостатки, ну так у кого их нет? Она же все-таки просто обычная девчонка, а не земное воплощение безупречной матери звезд.

Я собрала мягкие золотистые волосы и убрала под омниум-сетку, украшенную по краям витой веревкой. Шея осталась полностью открытой, как она любит. А вот мне всегда больше нравились распущенные волосы, чье движение ничем не ограничено. Естественно, ходить с такими можно было только по собственной комнате, даже спускаясь на обед, приходилось убирать волосы в прическу.

Злата осталась довольна и тут же принялась приводить в порядок меня. И вскоре уже привычно ругалась, потому что не могла толком выпрямить волосы – они у меня хоть и не выются в прямом смысле этого слова, но все равно не очень-то ровные.

В конце концов, нам все-таки удалось собраться.

Праздник лета каждый год проводился в самом большом парке города, что вокруг королевского дворца. В прошлый раз мы прошли по нему полным школьным составом, окруженные со всех сторон бдительными воспитательницами, а после большую часть ночи слушали доносившуюся со стороны парка музыку. Сегодня же мы со Златой были полностью представлены сами себе и могли гулять по парку в каком вздумается направлении. Кстати, если прикинуть, это очень даже здорово!

Народу оказалось удивительно много, наверняка собрались все городские жители, да еще прибыли гости из окружающих городов и деревень.

Раскинувшуюся перед парком площадь плотно заполняли ряды крошечных разноцветных киосков. Мы купили сахарной ваты, хотя на улице есть некрасиво, и по стаканчику лимонада, хотя пить на улице еще хуже, чем есть. Но, думаю, раз в году на праздник можно себе позволить немного вольностей. Тем более что и отчитываться не перед кем.

Основной оркестр располагался прямо у входа в парк, но в его глубине, подальше от главного, прятались еще несколько размером поменьше. На аллею за круглым фонтаном, где назначена встреча с магами, музыка накатывала сразу с двух сторон и в ушах гудели и путались одновременно две разные мелодии. Хорошо хоть, не очень громко.

Мы неторопливо прошли по дорожке, оглядывая окружающих людей, но магов не нашли.

Чтобы немного передохнуть, зашли в пустую беседку, которую какая-то парочка освободила прямо перед нашим носом – чистое везение, так как вокруг слишком много желающих скрыться от людских глаз и слишком мало мест, где это можно сделать.

Не успели мы толком устроиться, как со стороны дорожки, по которой прогуливались люди, в нашу сторону направились трое юношей, один из которых был так высок, что остальные едва доходили ему до плеча. Несмотря на теплую погоду, за спиной каждого из них развевался плащ с символом местной магической академии.

Это были маги, но не те. Я покачала головой на изумлено-вопросительный взгляд Златы, она не думала, что маги окажутся такими мелкими, судя по всему, только-только поступившими на обучение. У них и усы-то еще не росли, а вот гонору оказалось предостаточно.

– Какие тут крошки, – показал один из них крупные белые зубы. – Нас ждут!

Злата громко фыркнула.

– Обижает, – недовольно заявил самый длинный. – Думаешь, платье нацепила, причешку закрутила и можешь на всех пренебрежительно фыркать? Аккуратнее нужно быть с незнакомцами. Мы, между прочим, маги! – ухмыльнулся он. – Скрутим шас, и рукой не дернешь.

– Разве вам не запрещено использовать обездвиживание на мирных жителях, да еще без крайней надобности? – тут же поинтересовалась я. За последние несколько дней я успела узнать о магах довольно много нового, ведь нужно же хоть немного разбираться в предмете, к которому имеет прямое отношение Янош!

На миг длинный запнулся.

– А кто узнает? – небрежно поинтересовался другой, темноволосый крепкий юноша с небольшим шрамом над верхней губой. – Потом почистим остаточную магию, и поди докажи, что это мы сделали.

Голос у него был даже не угрожающий, а какой-то совершенно равнодушный. Оттого стало немного жутко.

– Тем более, может, у нас есть надобность, – нагло прибавил длинный, но взгляд его подкачал и на покорителя женских сердец ну никак не вытянул.

– Так что советую быть поговорчивее, – тут же разулыбался третий.

Мы со Златой переглянулись. На самом деле поставить подобных типов на место довольно легко – достаточно ответить настолько вежливо, чтобы они имели возможность ощутить всю свою недалекость и тупоумие. Контраст от противного – если к свинье обратиться на «вы», с цветистыми комплиментами, еще и низко кланяясь, всем вокруг становится понятно, что перед вами все-таки просто свинья. Подобное проделать не трудно ни мне, ни Злате. Но тут маги... Раньше мы с такими наглецами не сталкивались.

И я еще считала, что Янош с друзьями хамы? Каюсь! Они душевные, чуткие, воспитанные люди, разве что немного эксцентричные.

– Ну так что? Будем милыми или перейдем к силовым методам? – процедил юноша со шрамом.

Вокруг полно народу и ничего они, конечно, нам не сделают, но все равно, какая наглость! Злата нахмурилась и подалась вперед, а значит, сейчас подробно опишет, кто они есть и где их место.

Кстати, а это кто? Перед троицей вырос еще один молодой человек – светловолосый, высокий и сутулый, в темной рубашке навыпуск и грубых рабочих штанах. Откуда он тут взялся? Из воздуха, что ли, соткался? Я тоже так хочу!

Новенький тем временем внимательно осмотрел тройку и вдруг громко клацнул зубами, будто укусил воздух. Юноши в прекрасных плащах магической академии резко сбилась в кучу, настораживаясь.

– Пошли вон. А после выходных я напишу на вас донос. Угрозы насилия по отношению к рядовым жителям, причем пансионеркам, причем не обычным, а шай-парс, которые находятся под личной защитой короля.

– Что? – изумленно вылупились на нас юноши. Злата мило улыбнулась им, захлопав глазами, а я вдруг догадалась обернуться налево и посмотреть на ведущие в беседку ступеньки.

Там стоял Янош...

– Может, мы просто извинимся и обойдемся без доноса? Его же внесут в карту! Тем более это просто слова, делать мы ничего не собирались! – отчаянно звучал чей-то голос. Но это было неважно – Янош улыбался мне и так чудесно выглядел – свежим, отдохнувшим, чисто выбритым. Глаза отказывались переключаться на что-нибудь другое.

– Извиниться можете, но донос я отправлю в любом случае. Если вы все еще не способны самостоятельно определять границ употребления силы, вам необходимо повторять магическую этику чаще и полней, чем остальным студентам.

Я отвлеклась на секунду, когда вспыхнул амулет – пришелец тоже оказался магом. Похоже, тем самым с кем собирался прийти Янош.

Извиняться тройка не пожелала и отправилась восвояси.

– И мне тоже было очень приятно познакомиться! – крикнула им вслед Злата.

Мне малолетние агрессивные маги были совершенно неинтересны, как и их извинения, и наказание. Да и что в них может быть занятного, когда напротив, в кружевной тени дерева стоит Янош? И зрелища прекраснее невозможно представить.

7

Думаю, если бы не удивительно находчивый и легкий в общении Бронислав, компания получилась бы неважнейшая. Я только и делала, что пялилась на Яноша, он – на меня. Не то чтобы специально, просто как-то так получалось.

– Сейчас поворачиваем налево и выходим прямо к озеру, – командует Бронислав. Я смотрю на дорогу, чтобы вовремя свернуть, но тут же оглядываюсь проверить, а правда ли Янош здесь? Может, просто показалось?

– Вот где в этот раз разместили городской птичник, – глубокомысленно изрекает Бронислав, я послушно поднимаю голову, но что там может быть интересного? Птицы как птицы, все их цветное великолепие блекнет при одной мысли о Яноше, который так близко, всего на расстоянии вытянутой руки. С лица которого не сходит эта мягкая, завораживающая улыбка.

Злата, как обычно в обществе незнакомцев, осторожничала и помалкивала, так что Бронислав просто спасал положение, болтая обо всем, что видел – и какие чудные фонарики развешали по кружевным аркам Цветочной аллеи, и как замечательно играет оркестр, прибывший из долины Дымной топи. Правда, говорилось это все совершенно ровным и даже уставшим голосом. Похоже, работают они вместе, и выспаться со вчерашнего для Брониславу, в отличие от Яноша, не удалось.

Потом вдруг как-то совершенно мимоходом выяснилось, что через день они уезжают по очередному заданию к Росчерку Асмаиловых гор и неизвестно, как долго будут отсутствовать.

Я даже от разглядывания Яноша отвлеклась.

– Подождите! Но Росчерк гор – это местность, где живет большая часть всех существующих темных магов! Там просто кишмя кишат круорги!

Наши спутники переглянулись.

– Панну Улу сложно сбить с толку, – Яношу, похоже, смешно, но он сдерживается. А что тут смешного? Поездка в горы, избранные темными магами за малонаселенность и труднодоступный рельеф, в котором при необходимости можно легко затеряться от преследования представителей закона не может быть развлекательной поездкой. Это очень опасно! И они так запросто об этом говорят, будто собрались прогуляться в лесу! Не травы редкие они туда едут собирать, ежу понятно. А светлый маг, по сравнению с темным, незащищен, как цыпленок, по сравнению с ястребом!

– Зачем вам туда? – нет уж, милыми улыбками меня кормить поздно!

– Надеюсь, уважаемые панны не ждут, что мы как на духу выложим планы, которое, между прочим, относятся к заданиям из разряда тех, о которых не стоит лишний раз секретничать в людном месте, – безукоризненно вежливо заявил Бронислав.

Не стоит секретничать? Точно без разборок с темными не обойдется!

Я непроизвольно открыла рот и... сказала одно из тех слов, за которые мне в школе иногда влетало так сильно, что до сих пор помню! Воспитанная панна и знать подобных слов не должна, не то что употреблять, да еще в обществе! Помнится, однажды меня даже подвергли физическому наказанию, когда воспитательница вместо извинений за одно случайно вылетевшее слово тут же получила второе, поувесистей. Помню ее бледное лицо, ровное, как доска, и такое же твердое. Я тогда получила пять ударов палкой по рукам и почти неделю не могла писать и вышивать.

– Нужно выбить из тебя эту мерзость раз и навсегда! Раз и навсегда! Для твоей же пользы! – повторяла воспитательница, лично считая удары и даже не морщилась. Я, собственно, пребывала в уверенности, что у нее получилось. Оказалось, как и не бывало!

О, мать всех звезд, как же я могла! Пришлось закрывать глаза ладонью, чтобы немного успокоиться. Вот безмозглая курица, учили меня, учили, а что теперь Янош подумает? Ну,

Бронислав меня мало волнует, Злата, предположим, и сама такие слова прекрасно использует, вставляя в разговор, когда посторонние не слышат. А он?

Когда, наконец, я решилась взглянуть на Яноша, он казался таким довольным, будто получил лучший комплемент из всех возможных.

– Bravo, панна Ула! Вот теперь я все-таки уверен, что это действительно вы. А то меня постоянно преследует подозрение, что мне просто снится прекрасная незнакомка.

Он еще и смеется?!

– Мы вроде на «ты», – пролепетала я. Как растеряно звучит мой голос, даже странно. Неужели меня правда настолько волнует, что он там подумает?

– Я помню, Ула. Просто не хотелось пугать тебя еще больше.

Бронислав вдруг одним выверенным движением склонил голову в поклоне.

– Я был категорически против, когда мою кузину собрались отдать в закрытую школу. Подозревал, толку не будет. Но теперь-то уж я целиком и полностью уверился в обратном – бояться совершенно нечего, и она, вне всяких сомнений, получит там безупречное воспитание! – важно заявил Бронислав, а потом отвернулся и захихикал. Похоже, он тоже моим поведением не особо шокирован. Хотя, о чем я вообще? Чтобы шокировать мага парочки пансионеров маловато, пусть даже они во все стороны сыпят грязными ругательствами.

Вот и ладненько! И мы неспешно продолжили нашу прогулку.

– Вы так и не сказали, чем же собираетесь заняться у Росчерка гор, – нежно улыбаясь, поинтересовалась Злата. Судя по стальной настойчивости в глазах, ее этот вопрос тоже занимал, а Злату, как и меня, не так-то легко отвлечь от цели.

– Право, панны, нужны ли вам эти скучные подробности? – поморщился Бронислав.

– Это опасно? – не выдержала я.

Наверняка опасно! Не доверяю я этой королевской тайной службе. А если Янош с работниками связывался, еще когда только учился, то сейчас точно полезет в самое пекло!

Они опять переглянулись.

– Не опаснее, чем шайнарская граница, – задумчиво сообщил Янош.

Бронислав вздохнул и заговорил:

– Но, собственно, немного правды мы приоткрыть можем. Только для того, чтобы наша миссия не казалась чересчур загадочной и великой. И чтобы никто напрасно не волновался. Не предвидится ничего опасного, мы всего лишь арестуем и доставим в город темного мага, который высунулся к человеческим поселениям и причинил королевству многочисленные убытки. Учитывая, что этот экземпляр так утомил даже своих собственных собратьев, что нам на помощь придет один из тех... магов, то наша задача сводится к простейшему – проследить за поимкой и отчитаться об исполнении задания.

– Подождите! Как придет на помощь? Вам, королевским представителям закона, придет на помощь черный маг, который априори этот закон нарушает?

Чего-то я не понимаю! Одно прозвище уже значит, что это преступник, который должен быть пойман и обезврежен. А они намекают на какое-то сотрудничество?

Тут уж Бронислав от неожиданности замер прямо посреди дороги.

– Не хотелось бы мне работать в вашем ведомстве, господа маги, – мрачно добавила Злата, которая тоже не любила, когда высокими словами прикрывают мелкие делишки.

Бронислав со странной улыбкой высокомерно поклонился.

– Рад, что мы не враждуем. Вы стали бы опасными противниками. Мало того что вы красивы, так еще и умны. Гремучая смесь.

Это нечто вроде комплимента? Похоже. Вот только тон такой, что хочется отойти подальше.

Бронислав неторопливо развернулся и подождал, пока мы к нему присоединимся. Янош, как ни странно, в разговор старался не лезть, а, наоборот, насторожено поглядывал на друга, словно пытался о чем-то предупредить.

– Но как вообще можно верить темному магу? Разве среди них принято держать свое слово?

– Ула, как вы понимаете, в Королевской академии магам не преподают темную магию, так что мы с Яношем вряд ли можем считаться в этой области специалистами. Но совершенно точно скажу одно – многие байки о черных не соответствуют действительности. Например, далеко не всегда круорги убивают, чтобы получить силу. Просто это самый легкий из всех существующих способов. В остальном, некоторые из них просто экспериментаторы, по мнению Совета магистров перешедшие однажды черту допустимого. Так что не волнуйтесь напрасно, все будет прекрасно, мы делаем это не впервые.

В общем, на этом моменте портить вечер беседой о кругоргах мы перестали. Тем более что вышли на площадь, полную народу. В такой толпе говорить о чем-то серьезном в принципе невозможно!

– Посмотрим на шутов?

– Пойдемте.

Шутов я не особо люблю и никаких очень умных идей в их многозначительных высказываниях не наблюдаю. Думаю, тут обратный эффект – если ты шут, можешь даже не задумываться над своей болтовней, все равно, что ни ляпнешь, найдутся желающие искать в твоих словах глубокий философский смысл.

Но надо же куда-то гулять!

Вокруг помоста, на котором в данный момент кувыркались акробаты, собралось не так уж много людей. Большинство предпочитало обследовать ряды торговых палаток. Я смотрела не столько на помост, сколько по сторонам. Ну и на Яноша, конечно. А он очень мило выглядит, когда старается сделать вид, будто увлечен представлением. Но вряд ли настоящая увлеченность оставила бы его таким серьезным.

Ба, кого я вижу! За спиной мага показалась компания и, судя по взгляду уже знакомой Лесты, за плечом которой маячил Череп, компания направлялась именно к нам.

– Ула! – издали вскричала Леста, и все окружающие тут же с превеликим любопытством на меня уставились. Вот что такое? Приятно, конечно, когда тебя рады видеть, но на всю площадь, зачем орать?

Маги почти подошли, но тут вперед вылезла какая-то тонкая, шустрая девушка, с острым личиком. Скорчила презрительную мину, расправила плечи, выпятила грудь и встала передо мной и Яношем, смотря так яростно, будто собралась вызвать нас на дуэль.

– Что, развлекаетесь?

Интересно, может, она его жена? Я видела иногда, как жены на улице со своими благоверными общаются, когда те нашкодили. Очень похоже. Какая... неприятная мысль.

– Да, Кати, именно развлекаемся, – последнее слово Янош выделил. Вроде не бросается ее обнимать. Наверное, все же не жена. Не хотелось бы думать, что он из тех, кто обманывает вторую половину. И вообще не хотелось бы думать...

– И с кем это? – взгляд прищуренных глаз впился теперь целиком в меня.

– Кати, оставь, как ты уже достала! – вдруг простонала Леста. – Ула мне нравится! Она не дура!

– Да? Тогда, может, она просто не знает, с кем связалась? – охотно подхватила мелкая и ее глаза с охотой разгорелись. Как и медальон.

Вот... Злата, похоже, довольна. Получила, чего хотела. Такого изумленного лица у подруги я давно не припомню. Вот уж и правда, знакомство с магами удалось! Показали себя во всей красе.

– А ты, видимо, собралась ее просветить? – вкрадчиво поинтересовался Янош. – Устроить очередной спектакль? Ну, давай, начинай. Я не против. Слушаю.

Он состроил удивительно внимательное лицо. На секунду мелкая замялась и ее тут же оттеснила Леста.

– Бронислав, рада тебя видеть. Чего ты такой серый? Что опять случилось? О, с вами еще одна незнакомка! Голову даю, подруга Улы? Здравствуйте. Я – Леста.

Здорово болтает, плечом, будто ненароком, отодвигая Кати в сторону. Вот тоже любопытно, что за история такая? Я покосилась на Яноша, но он уже бодро переговаривался с Черепом о каком-то притоне, где на днях в числе картежников задержали ни много ни мало одного из преподавателей академии.

Да-а, Злата явно в восторге от сегодняшней прогулки. Радует, что ей хватило ума не лезть на мою защиту, как получается обычно. Это я, кстати, не о Злате волнуюсь, а о Кати – самая огромная ящерица моей подруги шипит иногда так жутко, что пугаются даже те, кто осведомлен о ее существовании. А без подготовки шок обеспечен, проверено!

Но в общем подошедшая компания с нами задержалась ненадолго и вскоре отправилась куда-то в трактир. Притихшую Кати Леста утащила за собой практически волоком. Янош внимательно смотрел им вслед. Что ж там за история такая? Кстати, этот нарочито невинный вид у него отлично получается. Будто и правда речи о нем и не шло!

И все равно, когда он смотрит на меня так, как сейчас, остальное становится совсем неважным.

Очередное затянувшееся молчание привычно прервал Бронислав.

– Злата, а не хотите покататься на лодке? Правда, они всего двухместные, но думаю, наши друзья прекрасно обойдутся и без нашей компании. Обещаю проводить вас домой, когда захотите, хоть засветло.

Злата покосилась на меня и быстро согласилась.

А мы просто гуляли. Ничего не хотелось – ни мороженого в крошечных желтых стаканчиках, ни надутых прозрачных леденцов, ни танцев, ни аттракционов.

– Я до сих пор не могу поверить, что это ты. Девчонка, которую мы тогда вытащили, – качал головой Янош.

– Я настолько изменилась?

– Нет... Да.

Странно было так идти, просто идти куда-то бесцельно и думать, что сегодня удивительно приятный вечер. Просто сказочный.

Но и он закончился. Когда стало темнеть, Янош провожал меня в пансион.

Вообще-то я довольно вынослива и неторопливые прогулки по дорожкам парка никак не могут меня утомить. Но ноги сами собой еле передвигались, потому что иначе совсем скоро придется оказаться прямо перед моей калиткой, что означает необходимость расходиться по домам. Янош тоже не спешил.

На улице было уже достаточно пусто и тихо, самое время задать вопрос, о котором я ни на минуту не забывала:

– Янош, а что это была за панна? И в чем она хотела меня просветить?

Маг поморщился:

– Ула, неужели не существует хотя бы одной тайны, которую мне удастся от вас скрыть?

– Вопрос настолько страшный, что мы снова перешли на «вы»?

– Открой секрет – есть что-нибудь, чем тебя возможно отвлечь?

Я задумалась.

– Не припомню.

– Я с тобой поседею раньше времени, – пробормотал маг. – Ну что ж... Слушай. В двадцать лет мало думаешь о последствиях своих... знакомств с дамами. Вот и я не особо размышлял.

– В двадцать?

– Кати преследует меня больше двух лет, хотя я никогда ничего ей не обещал. Как только она видит меня в обществе девушки, сразу устраивает скандал.

– А в двадцать три?

– Что в двадцать три?

– В двадцать три больше думаешь о последствиях?

– Гораздо больше, – улыбаться он перестал. – Можешь поверить, сейчас мне проще обойтись без женского общества, чем связываться с... некоторыми паннами, конечно же, весьма уважаемыми.

Как он, однако, их назвал! Тактично.

– И часто видит?

– Что?

– Ну... со всякими уважаемыми паннами часто видит?

Он вдруг остановился. Пришлось тоже останавливаться. Кстати, а мы уже пришли. Прямо за поворотом пансион. Грустно.

– Ула, как ты думаешь, почему я к тебе прихожу?

И смотрит так пристально. Конечно же, мне хочется думать, будто он ходит потому, что я ему нравлюсь. Но если поразмыслить, может ли быть иная причина? Конечно может. Да что угодно! Может, он хочет моего добровольного согласия на эксперименты с участием шай-парс. Или какой-то информации. Или любой другой безвозмездной помощи.

Не хочется выглядеть дурочкой, у которой вся голова забита одной только романтической чушью.

– Не знаю. Почему?

– Подумай над этим.

Такое ощущение, что надо мной издеваются!

– Мы поговорим, когда я вернусь. Поговорим, даже если ничего не надумаешь, – веселился Янош. Нет, ну явно здесь что-то нечисто! Разве человек, который приходит к девушке станет...

Станет так осторожно брать меня за руку? И так быстро отводить глаза?

– Мне будет тебя не хватать, Ула.

Он наклонился и поцеловал мои пальцы.

А потом развернулся и ушел, так быстро, будто сбежал.

Почему-то стало неудобно, и я покраснела. Честное слово! Он просто проявил приличествующую случаю вежливость, и все! Почему же так странно?

Заняться разбором полетов не удалось, потому что стоило открыть дверь своей комнаты, как рядом возникла Злата с самой невинной улыбочкой на лице.

Естественно, никакие возражения не принимались – все равно не отстанет, пока не выпытает все до единой подробности! Ведь жизнь, это вам любая пансионерка скажет, куда интереснее, чем даже сотня бумажных романов.

– Долго вы гуляли, – довольно заявляет Злата.

– А вы?

– А мы нет. Бронислав скучный такой стал, и сразу захотелось домой.

– Он просто устал и не выспался. Вчера Янош такой же был.

– Вчера? – Злата многозначительно улыбнулась. – Так вы еще и вчера виделись?

Вот так всегда! Проболталась уже. Ну что за наказание иметь умную подругу, которая никогда не пропустит мимо ушей случайно вырвавшийся компромат!

– Господин маг после работы проводил меня домой.

– Ну, ясно, – вынесла приговор Злата. – Тогда все совершенно понятно.

– Что понятно? – Вот знаю, что не стоит провоцировать, показывая столь явную заинтересованность в ответе, но невозможно удержаться. Что она уже надумала?

– Ну-у-у, у тебя весь вечер был такой вид, будто ты готова отдаться ему прямо под первым же кустом, – сообщила Злата.

Я обиделась.

– Спасибо, Злата. Мне было очень приятно услышать от тебя нечто подобное!

Подруга тут же скуксилась.

– Ну-у, я не к тому. Ты неправильно поняла. На самом деле, это же здорово, когда такие... чувства.

Хм, а что Злата знает о чувствах? Ничего внятного, как и я. Кстати, вот еще вопрос, который...

– Ты в него влюблена?

...Злате удалось задать раньше меня.

– Я не знаю.

Так сразу не решишь, я же не влюблялась никогда. Вряд ли ту привязанность к соседскому мальчишке можно назвать влюбленностью. Так, слушала его сбивчивые неумелые комплименты, которые мне нравились, но ведь влюбленность это нечто большее?

– Не знаешь? Точно? – похоже, она не очень-то мне верит.

– Правда, Злата. Ну не знаю!

– Если бы я влюбилась, то сразу бы это поняла!

– Ну вот влюбишься и мне, недогадливой, внятно объяснишь, что это такое!

Злата попытала, но спорить не стала. Можно, конечно открыть любой роман и зачитать отрывок, где описываются чувства героини. Нечто вроде «от счастья при виде его растрепанных кудрей ее душа воспарила, аки белоснежная голубка, а сердце сладко заныло от восторга».

А ведь... О мать всех звезд! А ведь очень похоже!

Тогда я снова открыла рот и выругалась. Второй раз за день!

Злата хохотала, развалившись в кресле.

– Ну, ты с ним все равно поосторожнее! Странная у них компания, эта мелкая Кати тоже особа подозрительная. Да и вряд ли Янош привык заботиться о репутации дам, с которыми общается.

– Не волнуйся, я еще в своем уме и все прекрасно понимаю! Тем более... он ни разу не сделал ничего неприличного. Ни слова. Ни жеста. Ни малейшего намека.

– Значит... значит, у него кто-то есть!

– То есть?

– Ну, физически, понимаешь? Он с кем-то спит!

Я задумалась. Не над тем, спит он там с кем-нибудь или нет, а над тем, с чего вдруг мы заговорили о вещах, которые нас не касаются.

– Ула, вот и выясним, как ты к нему относишься. Если влюблена, то тебя должна злить новость, что у него есть кто-то другой. Тебя это злит?

– Злит, – покладисто согласилась я.

– Сильно?

– Да.

– Насколько сильно? – не унималась моя мучительница.

– До бешенства.

– И чего тебе хочется сделать? – с восторгом вопрошала Злата.

– Мне... – я мрачно улыбнулась. – Прямо сейчас? Встать... Сделать два шага вперед. Обхватить покрепче шею... Твою шею! И придушить тебя немедленно!

Восторг спал с ее лица, будто разбитое стекло осыпалось. Злата надулась. Смешно было, жуть! Давно я так не хохотала, честное слово! Вместо полных горячих страстей признаний Злата услышала насмешку. Дуться теперь будет по меньшей мере два дня.

Когда она ушла, я, наконец, улеглась спать.

Почему он приходит? А вот не буду я думать, вернется и расскажет! Все равно ничего путного не придумаю. И еще мысль эта дурацкая, которую вбила в голову Злата. У меня прямо дыхание от злости замирало, стоило представить, что у него есть какая-нибудь Кати, с которой он элементарно спит!

Однако вернется Янош не раньше чем через две недели. Совсем не хочется провести их в томительном ожидании. Лучше пока заняться работой. Поэтому мучиться, разгадывая неразрешимые загадки, я не стала. К счастью, заснула быстро.

Выходные мы провели в гостиной, где под чутким присмотром мадам Анки обменивались новостями, схемами модных вышивок и свежими лирическими поэмами. Злата отсела от меня подальше и демонстративно отворачивалась, болтая с Мейсой.

А после наступили рабочие дни. Утром я шла в салон Розы, думая только о том, что скоро увижу первого в своей жизни шайнара.

Почему-то было страшно.

8

Витольд де Акуила, старший посол Шайнарских земель, оказался человеком возраста на грани зрелости и старости, спокойным, жестким и неубедительным. То есть неубедительным выглядело его намерение помогать королевской фаворитке, пусть даже та его временами развлекает. Добротой душевной, судя по всему, он тоже не отличался. Хотя, конечно же, я могу ошибаться, говорят, судить людей по первому впечатлению дурной тон.

Он появился на заднем дворе салона, когда я уже разложила необходимые для создания ткани полосы травы и одну из них даже превратила в сетку. Как раз тогда и раздались шаги, я успела встать и увидеть, как они с Веттой показываются из черного хода, выходят на дорожку между клумбами, а сидящая в шезлонге под зонтиком от солнца мадам Роза поднимается и вытягивается прямо, как палка.

Ветта представила гостя мне и мадам Розе, которая от переизбытка чувств выглядела бледно-серой и, казалось, находилась на грани обморока.

– Пан Витольд, – спокойно перебил перечень своих титулов шайнар, оглянулся, уселся на один из шезлонгов и замер.

Тогда я поняла, почему он совершенно лысый – на голой коже головы вдруг развернула крылья огромная хищная птица с острым изогнутым клювом. Расставленными лапами она, вероятно, упиралась ему в плечи (из-за одежды этого видно не было). Кстати, слышала я, будто в шайнарских землях вполне допустимо ходить практически без одежды. Тогда эту новость долго обсуждали в школе, но сейчас почему-то кажется, что шайнары правы – такое потрясающее зрелище скрывать не стоит. Не знаю, страшные это картины или все-таки прекрасные, насколько они настоящие, но в глазах гостя огонек сверкнул одновременно с тем, как птица метнула на нас внимательный изучающий взгляд. Пришлось напомнить себе, что они – одно целое.

Ткань мы сделали очень быстро, пан Витольд брал меня за руку, и тело словно окутывало влажной дымкой, что поднимается по утрам над болотом. Птица в это время настораживалась и в беззвучной угрозе распаивала клюв.

Как только последняя полоса, мягко замерцав под солнцем, стала тканью, шайнар открыл рот и негромко сказал:

– Ветта, будь так любезна, уведи мадам модистку в дом и проследи, чтобы нам не мешали.

Я как раз ползала по газону, сворачивала полученные куски в рулоны, потому не успела предложить свою помощь, а когда поднялась, Ветта и хозяйка уже исчезли, а пан Витольд вдруг ткнул рукой в соседнее кресло:

– Сядь.

Не люблю, когда мне приказывают, да еще когда приказ исходит от совершенно посторонних персон. А у этого пана было лицо человека, привыкшего к мгновенному подчинению и исполнению своих приказов. Причем любых приказов.

Но чего скрывать, подобный интерес невероятно льстил! Шайнары не обращают на полукровок никакого внимания? Как бы не так! Все мои действия пан посол изучал самым тщательным образом и силу восстановил даже после того, как я создала последний кусок ткани. Поэтому кроме неприязни меня преследовало вполне объяснимое любопытство.

Я опустила на обтянутую тканью скамейку, потому что не люблю при посторонних находиться в полулежачем положении, как получилось бы, сядь я в шезлонг.

Быстрым движением шайнар закинул ногу на ногу. Птица на мгновение приподнялась и тут же опустилась вниз.

– Панна Ула, ваша способность создавать омниумы меня очень заинтересовала. С сегодняшнего дня, три раза в неделю вы будете приезжать в шайнарское исследовательское бюро

при посольстве и помогать его руководителю, мастеру Армеду, в изучении особенностей магии полукровок. Заканчивать будете поздно, но я распоряжусь, чтобы вас отправляли домой на извозчике. Осведомительные бумаги для хозяйки пансиона посольство отошлет этим же вечером. Вам все понятно?

На секунду показалось, что я здорово влипла во что-то... вонючее.

– Какие услуги от меня требуются? – не стоит сразу показывать, что от его слов я не в восторге. И потом, что за приказной тон? Нет, так просто я не сдамся.

– Ничего, что могло бы повредить вашему здоровью или репутации, – птица подняла голову и совершенно неожиданно издала короткий резкий клекот. Будто смеялась. – Кроме того, ваше рабочее время будет щедро оплачено, я так понимаю, именно этот вопрос вас интересует больше всех остальных?

Вообще-то не этот, но ладно, пусть думает так.

– Хотелось бы знать более точно, чем именно мне предстоит заниматься.

– Узнаете на месте. И поверьте, – тут его голос изменился, приобрел тяжесть, – ничего ужасного я от вас не потребую.

– А если я откажусь?

Орел открыл клюв и насторожено растопырил крылья. Резные перья накрыли виски шайнара, словно шапка.

– Панна Ула, вы можете принять мое предложение добровольно или вам привезут подписанный королем приказ. Вы что предпочитаете? – шайнар спокойно и даже умильно посматривал на меня, будто на ребенка, который еще и ходить толком не научился, а уже бузит.

Может, он блефует? Стоит прикинуть, что для короля важнее – услуга шайнарскому послу, представителю народа, с которым в данное время с трудом удерживают дружеские отношения или я, полукровка, о существовании которой король даже не подозревает? Хм, ответ очевиден. Но так просто согласиться? Согласиться на что?

– Я обязана хранить приглашение в тайне?

Странно, но его последующий смех меня расслабил.

– Право, панна Ула, вы будто шпионских книжек читались. Рассказывайте кому угодно, я действительно предлагаю вам работу. Будете оказывать пану Армеду помощь в исследованиях и ничего больше.

Тут он встал, кивнул еле видно, но даже такое простое действие выглядело как отрывок тщательно отрепетированного на показ спектакля.

– После работы у салона вас будет ждать экипаж. В посольстве я встречу вас лично и познакомлю с мастером. После мы с вами встретимся практически не будем. Юные девушки часто подвержены глупым страхам и фантазиям, я надеюсь, вы умнее и не станете делать поспешных выводов до тех пор, пока не убедитесь, что вам действительно предлагают просто работу. Причем о-очень хорошо оплачиваемую. Думаю, вы можете оставить салон прямо сейчас, потому что не будете нуждаться в копейках, которые вам тут платят. Всего доброго.

Ткань все-таки нужно поднять с земли, пока не испачкалась и не отсырела. Чем я без промедления занялась.

Получается, что первый встреченный в моей жизни шайнар оказался вполне нормальным, хотя разговаривать не умеет, а умеет просто приказывать. Вероятно, положение обязывает. С другой стороны, он прав. Зачем пугать себя, если еще неизвестно, стоит ли бояться? Дополнительная работа... Хорошая оплата. Если все так, как он говорит, мне скорее повезло, чем нет.

...Домой я вернулась к полуночи. Упала на кровать и заснула. Почти. Потому что в дверь тут же усилено заколотили.

Злата, конечно.

– Ну наконец-то! – выдохнула она. – Немедленно говори, где пропадала? Вечером прибыл посыльный со свитком из шайнарского посольства, стали болтать, что шайнары забирают тебя к себе. Что твои родственники нашлись. Какой-то высокопоставленный род, чуть ли не второй после королевского. Правда?

Против воли я рассмеялась. Конечно, в таком скучном месте, как пансион любая новость приукрашивается, чтобы блестела более ярко, чем есть на самом деле.

– Ну зачем ты веришь всяким сказкам! Мне просто предложили работу, – сквозь смех уверила я Злату.

По дороге домой я уже подумывала, что из салона действительно стоит уволиться. Совмещать две работы будет тяжело, а мастер Армед, бодрый сухонький старичок, к которому меня привел пан Витольд, нуждался в моих услугах только в вечернее время.

Вообще все сказанное послом оказалось правдой. Он встретил меня по приезду, отвел в левую круглую башню, пристроенную к основному зданию посольства, познакомил с обитающим там ученым, назвал сумму, которую я буду получать за работу, и, пользуясь тем, что я не могла от удивления ответить, моментально скрылся за дверью.

– Панна Ула, будьте так любезны, закройте рот, – тонким голосом заявил Армед, но грубо не прозвучало. Скорее умильно. – Берите этот список и идите за мной.

Через полчаса, проведенных в пыльной полутемной библиотеке, заставленной стендами до самого потолка, я получила стопку книг, изучить которые от меня требовалось в ближайшее время. Вроде там содержалась теория по шайнарской классической магии, хотя ничего подобного я в них так и не обнаружила. Но просмотрела, чтобы не расстраивать мастера. Ведь надо как-то отрабатывать отплату!

Работа оказалась вполне предсказуемой – помощь ученому в вечернее время, когда его остальные ученики отдыхали. Проведение опытов по изучению шайнарской магии полукровок, которой он занимался в числе других занятий.

Для начала мастер заявил, что я должна научиться делать... камни. Из воды, снега, вишневого варенья и даже из настойки против похмелья. То бишь из любой имеющейся в наличии жидкости.

– Да-да, именно камни, – отрезал он на мой удивленный вопрос, правильно ли я расслышала? Ну, я и решила – пусть учит. Это даже любопытно.

Через неделю я ушла из салона мадам Розы.

Вторая неделя тоже прошла быстро – я привыкала к новому графику, вернее, пыталась сильно не облениться – ведь появилась возможность валяться в кровати до обеда и полночи ничего не делать.

На работе большая часть помощи мастеру заключалась в поисках на страницах толстенных талмудов нужных ему рецептов и описаний свойств веществ, а также приготовлении простеньких растворов, травяных смесей и мытье пробирок. Иногда я создавала омниумы, которые выходили великолепно, кроме тех единственных камней, что от меня требовались. Из воды делать ничего не получалось, и я вообще сомневалась, что это возможно.

В выходные Злата потащила меня прогуляться по городу. Я почему-то думала, она захочет пройти ближе к посольству, чтобы увидеть башню, где я работаю, но выбранный ею маршрут оказался совершенно противоположным. Мы шли неторопливым прогулочным шагом до тех пор, пока не оказались на улицах района, где проживали приличные, но не очень состоятельные люди. Эта часть города считалась одной из самых спокойных в столице и вполне подходила для прогулок барышень вроде нас, но все равно странно, что Злата забыла в подобном месте? Возле нашего пансионата есть два парка, так что совсем необязательно уходить на прогулку так далеко.

Итак, дойдя до угла, где улица пересекалась с другой, уже даже не замощенной, Злата развернулась и отправилась по тротуару обратно.

Вот тогда-то я и увидела этот домик. Милый, но неухоженный, судя по невымытым окнам, половина из которых вовсе закрыта ставнями. Невысокий свежеекрашенный забор и неубранный двор, по газону которого разбросаны пустые клетки, кормушки для животных, сваленные кучей мусорные мешки.

Во дворе крайне сосредоточенный молодой человек со светлыми всклокоченными волосами старательно пытался сложить горкой пустые деревянные ящики.

В этот раз он нас заметил. Еще бы, Злата так прижимала меня к забору, что я чуть платье не порвала!

– Панна Злата? – удивлено спросил сам себя юноша, а после перестал поддерживать ящики, отчего те с грохотом осыпались на землю.

– Пан Марек? – вскричала Злата так изумлено, будто действительно сильно удивилась его появлению. – Какая удача, что я вас тут совершенно случайно встретила! Как там дела в псарне Загорецкого торговца? Все налаживается?

– Благодарю вас, все в порядке. Ваш мастер просто кудесник! – дерганным голосом отчитывался молодой человек. – Передавайте ему мою огромную благодарность!

– Обязательно! – горячо заверила Злата, нежно улыбаясь, но он уже рассеяно осмотрел двор, покраснел, пробурчал что-то малопонятное и бочком поспешил отойти от забора подальше.

Меня крепко схватили за локоть и потащили прочь. На углу Злата ослабила хватку и принялась махать свободной рукой, чтобы подзвать извозчика.

– Видела? – цедила сквозь зубы. – Он на меня и не смотрит! Я для него пустое место! Хам! Грубиян! Невежа!

Я постаралась сдержать смех, а то бы и мне досталось. Хорошо, что пышущую гневом Злату мало что способно отвлечь от праведного возмущения.

Всю дорогу до пансионата она смотрела в сторону, скрестив руки на груди, и немилосердно ругалась придушенным голосом. Оставила извозчику две монеты без сдачи (а это для рачительной Златы просто подвиг) и бросилась в здание. Добежала до своей комнаты, где сходу упала лицом на кровать, и всхлипнула.

Я вошла следом и прикрыла дверь, потому что точно знала – сейчас Злате нужно выговориться, даже если она изо всех сил делает вид, что не желает делиться сердечными секретами.

– И что я пропустила? – нейтральным тоном поинтересовалась я.

Больше ничего делать не пришлось. Через несколько минут историю вытащили из темноты неизвестности на свет. В начале недели к ветеринару, с которым работала Злата, пришел за помощью его коллега, пан Марек. Его пригласили выяснить, что случилось с двумя оцененными суками редкой породы, которые отказывались есть и кормить потомство, что грозило их гибелью, то есть большими убытками. Самостоятельно разобраться молодой ветеринар не смог, так что попросил помощи у более опытного.

Злата, естественно, отправилась на псарню вместе с ними. Ее хозяин за годы работы вполне заслужено получил репутацию лучшего в городе ветеринара, но с появлением помощницы практически прекратил ставить диагноз самостоятельно, все равно она делала это быстрее и точнее, так что без Златы подобные визиты не обходились.

– И он не обратил на меня ни малейшего внимания! – возмущалась Злата. – Хотя я практически сразу установила, что собаки больны редкой болезнью, обезвоживающей организм! Даже не взглянул лишний раз, не говоря о мелочах вроде крошечного комплимента! Я настолько невзрачна, что он мной не заинтересовался, – на этом месте она горько всхлипнула, потому что, когда прибедаешься, всегда положено рыдать, тем самым вызывая у слушателей дополнительный приступ жалости.

– Может, у него уже есть любимая девушка? – осторожно спросила я. Знаю, в таких случаях тяжело слышать подобное предположение, но когда нет шансов, лучше смириться сразу и не тешиться напрасными надеждами.

– Нету, – тоскливо сообщила Злата. – Мне хозяин сказал. Когда мы вернулись, сели чай пить, засмеялся и сказал. Так и знал, говорит, что ты у меня надолго не удержишься. Ну ничего, я буду рад, если ты найдешь себе достойного спутника жизни. А замужество с человеком такой профессии, как у пана Марека, тебе идеально подходит, обзаведетесь семейным делом. К счастью, он как раз свободен.

– Твой хозяин так сказал? – изумилась я. У Златы был отличный хозяин, о таком можно только мечтать! Даже лучше моего безобидного и не вредного мастера Армеда. Если он намекнул на возможность брака, то знает нечто, неизвестное нам.

Нужно вспомнить и взглянуть на происшедшее еще разок. Когда Марек увидел Злату, он обрадовался, совершенно точно. Но потом смутился и сбежал. И так мило краснел...

– Злата, я схожу за печеньем. А ты пока успокойся, – сообщила я, поднимаясь с кровати.

– Как? Ты оставишь меня в такой момент? – она и плакать перестала от удивления. – Сейчас, когда мне крайне необходима дружеская поддержка и утешение?

– С покрытым апельсиновой глазурью печеньем утешить тебя будет куда легче!

Пусть лучше на меня злятся, чем на ни в чем не повинного молодого человека. Мне-то она ничего не сделает, а вот ему... Глупостей наделать может великое множество.

Перед тем как отправиться в магазин, я зашла к мадам Анке и попросила включить в список приглашенных на танцы, которые состоятся в пансионе через неделю, некоего пана Марека, адрес, к счастью, легко нашелся на карте. Пара вопросов – как только выяснилось, что он не женат и обладает достаточными средствами, чтобы содержать семью, – как согласие было получено. Обязанность пристроить пансионерок наилучшим образом, как известно, для мадам Анки задача первостепенная.

Тем вечером, ложась спать после чая и примирения со Златой, я вдруг поняла, что Янош опять не приехал. И что я его жду. Правда жду, две недели прошло и неизвестно, сколько еще пройдет. Но ждать уже сложно.

Получается, он все-таки занял в моей жизни свое место? Свое?.. А чье еще? Раньше ни разу не выходило представить человека, от которого не хочется отходить ни на шаг, а тут даже представлять не пришлось. Он просто теперь на своем месте, рядом. Это произошло так быстро, что я ничего не заметила! А ведь всегда была твердо убеждена – не существует любви с первого взгляда. Ну вот, я уже говорю и о...

Было грустно. А что, если приходил он вовсе не из-за меня? Что же тогда делать?

Неделя перед танцами прошла кое-как. Злата ходила расстроенная и несчастная из-за Марека, который появлялся у них еще раз, долго благодарил, принес жестяную коробку конфет, но от чая наотрез отказался и сразу ушел.

– Даже не сказал, идет ли мне новая прическа. Наглец! – раздражено сообщила Злата.

По мне, так он просто не решался ее куда-нибудь пригласить, слишком уж неуверенно вел себя тогда, во дворе. Но, конечно, говорить что-нибудь подобное Злате совершенно бесполезно, все знают, что человек умен и наблюдателен только в тех случаях, когда дело не касается его самого. Злата могла быть сколько угодно сообразительна, но в этом вопросе походила на слепого котенка.

А я просто тосковала. Так странно, не ожидала от себя таких мрачных безотчетных томлений. Как можно тосковать по человеку, которого практически не знаешь? Хотя, разве я так уж мало знаю? Он спас меня от рабства. И оградил от неприятно-неприличного предложения. А стоило вспомнить его последние слова: «Подумай над этим», как несколько последующих минут пропадали в раздумьях, которые, конечно же, ни к чему конкретному привести не могли.

А еще этот танцевальный вечер! Не идти нельзя, пока я живу в пансионе, некоторых правил придется придерживаться, независимо от желания, иначе твоя жизнь превратится в кошмар. Кроме личного давления мадам Анка способна пожаловаться в опекающий пансионерок попечительский совет и меня лишат поддержки. Может, по деньгам я уже обойдусь и без помощи, с новой работой даже точно обойдусь, но я привыкла жить здесь. И Злата...

Гостей мы встречали ранним вечером, выстроившись шеренгой вдоль стены. Мадам Анка приветствовала каждого молодого человека горячо и радостно, будто родного сына, и приглашала пройти в гостиную. Бальный зал прямо за гостиной, обычно закрытый, теперь распахнул двери, сверкая чистотой и красуясь душистыми цветочными гирляндами.

Конечно же, все до единого кавалеры вызывали уважение и симпатию. Но меня это волновало даже меньше, чем обычно.

В голове царил Янош. Полно и безраздельно.

Но так нельзя! А как?..

Потом среди гостей в дверях показался пан Марек, и за руку судорожно ухватилась Злата. Молодец, ветеринар, не сплосовал. Хоть и мнется неуверенно, но ведь решился и пришел!

– Не может быть... Что он тут делает? – изумленно спрашивала подруга, сжимая руку все крепче.

– Пойди и спроси, – огрызнулась я.

Расчет оказался верным – обидевшись на грубый тон, Злата демонстративно отодвинулась от меня, смерила негодующим взглядом и, задрвав кверху подбородок, твердым шагом пошла на захват крепости по имени пан Марек.

Я глазам своим не поверила – крепость сдалась всего минуты за две, по происшествию которых они рука об руку чинно восседали у небольшого столика возле стены и рассматривали альбом с рисунками. Ну вот, и стоило столько времени ходить кругами?

Чтобы особо не выделяться, я пообщалась с каким-то служащим банка, таким чопорным и строгим, будто он пришел всем нам здесь выдать низкопроцентную ссуду под свою личную ответственность. Получила два благосклонных взгляда от мадам Анки. Ну, можно считать, выполнила все свои обязательства по части знакомств с потенциальными женихами.

В эту минуту Злата поймала мой взгляд и, делая непонятные знаки бровями, подскочила на ноги. Похоже, уже совсем не злиться. Я кивнула в сторону коридора, где можно поговорить без свидетелей, Злата бросилась за мной следом и, догнав, тут же зашептала на ухо.

– Ула, посиди пока с ним. Я поднимусь в комнату за альбомом с моими рисунками, – быстро просила, подталкивая меня по направлению к гостиной. – А то кто-нибудь другой привяжется, и все! Он такой сейчас мягкий...

Как отказать? Я согласилась и отправилась к оставленному в одиночестве ветеринару, где уселась на стул Златы.

– Пан Марек, – я его плохо, конечно, в прошлый раз разглядела, но даже на первый взгляд сегодня он выглядит куда как спокойнее. – Меня зовут Ула, помните, мы однажды встречались возле вашего дома?

– Да, конечно, – быстро подхватил он. – Вы подруга Златы. Прошу прощения за тот раз, я растерялся и не пригласил вас на минутку зайти и передохнуть, но я был дома совершенно один, без ключницы. Я не мог... я...

– Боялись нас скомпрометировать, – подсказала я. Какой милый, однако, парень. Я Злату даже понимаю, честное слово. Такой правдивый, взволнованный взгляд. В ответ невозможно не улыбнуться.

– Ну да.

– Злата рассказывала, что вы работаете в одной области. Лечите животных.

Не помешает его немного разговорить, чтобы к возвращению подруги он был еще больше настроен на общение.

– Да, но вам наверняка будет неинтересно.

– Я очень люблю слушать истории, в которых участвует Злата, – наклонившись ближе, заговорщицки шепнула я. – Так что, если вам нетрудно...

– Да, конечно, – он почти начал говорить, но потом посмотрел мне за спину, замялся и нахмурился. – Только сначала... Не хочу вас пугать, но мне кажется, этот человек как-то странно на нас смотрит. Может мне стоит пойти и выяснить, в чем дело? Он не сводит с вас глаз с тех самых пор, как вы ко мне подошли. Но если раньше он держал себя в руках, то теперь...

– Какой? – я уже оборачивалась, забыв про все правила о том, что неприлично настолько явно кого-то обсуждать.

Янош стоял почти у входа и смотрел действительно очень пристально. То на меня, то на Марека.

Кажется, Злата о чем-то меня просила... И я даже обещала ей помочь.

– Янош! – я забыла обо всем, но, к счастью, опомнилась раньше, чем бросилась ему на шею. Это было так необычно, мне жутко хотелось подбежать и крепко его обнять, для пансионки подобное желание – это нечто из разряда невероятного.

– Здравствуй! Ты вернулся. Все хорошо? – он смотрел насторожено, почему-то в основном на Марека. А вот и Злата! Несет свой альбом, а рисует она, кстати, весьма прилично. Даже не заметила, что меня нет, садится и обращается к ветеринару. Прямо вся светится, какая она сейчас красивая! Я вернулась к магу.

– Янош... Почему ты молчишь?

Странно, что никто не заметил, как быстро я сюда прибежала. Народу много, повезло. Мне нельзя, нельзя так явно и несдержанно показывать свою радость. Это неприлично!

Ах, какие у него глаза! Я почти забыла, что они способны со мной сделать. Так же нельзя...

На одно мгновение он еще раз бросить взгляд на столик, а потом уже весь целиком вернулся ко мне.

– Вижу, надолго тебя оставлять нельзя. Знаешь, Ула, пошли, пройдемся.

И спокойно взял меня за руку. Вот так просто, при куче свидетелей взял и повел за собой. Хорошо, народу много, люди стоят плотной стеной, если поспешить, можно сделать вид, будто я иду к нему так близко просто чтобы не потеряться в толпе.

Он вытянул меня на крыльцо, а потом повернул за угол, в небольшой сад при пансионате. Прямо в беседку под фонарем, который хотя и стоял на улице, но через невысокий, увитый плющом забор умудрялся светить прямо на крышу беседки. Маг затащил меня внутрь и развернулся, перегораживая выход.

– Янош... Ты так и не сказал. Все в порядке?

– Да. Не волнуйся.

– А когда ты приехал? Как тут оказался? В такой день? Сегодня же вечер танцев.

– Да, я знаю. Я пришел, потому что должен тебе кое-что сказать.

Он на секунду замялся. Потом схватил мои руки и крепко сжал.

– Ула, – резко выдохнул. И снова на секунду замолчал. Почему он так волнуется? Внутри вдруг стало холодно от ожидания чего-то огромного и сокрушительного.

Он поднял глаза и вдруг полностью успокоился. Заговорил так серьезно, как не говорил никогда раньше:

– Я не богат, Ула. И маг не самый лучший. В данный момент я мало что могу тебе предложить. Но у меня хорошая работа и прекрасные возможности. Когда-нибудь будет все, я обещаю...

Пока он говорил, по его губам скользил бледный фонарный свет.

Не может быть. Этого не может быть! Я ушам своим не верила.

– Клянусь, я сделаю все, чтобы ты была счастлива и не пожалела о своем выборе. Ты... ты выйдешь за меня замуж?

Это просто сон, да? Не бывает же, чтобы так просто... вот так просто появился единственный нужный тебе человек и сделал одно-единственное нужное предложение из всех возможных ненужных?

Получается, он действительно приходил ко мне? Именно ко мне?

– Ула...

Что случилось? Почему он вдруг перестал улыбаться? Невероятно, мне хочется сейчас... хочется просто его обнять. Обнять так крепко, чтобы навсегда запомнить это ощущение присутствия рядом кого-то чрезвычайно важного.

– Ула, я очень тебя люблю. Даже сам еще толком не представляю, насколько. Не могу объяснить. Я помнил, конечно, тебя эти два года, но не искал. И в голову не приходило, потому что помнил всех, кого мы вытащили. А потом встретил тебя тогда, у здания, и даже не сразу узнал. А когда узнал... когда представил, что ты сейчас туда войдешь! Что тебе... тебе предложат эту мерзость. Что ты можешь согласиться! Это было просто ужасно. И сейчас, когда увидел с этим... молодым человеком. Словно темнее вокруг стало.

А я ведь не ответила! Янош смотрел все настойчивее, и вдруг перестал сжимать мои пальцы. Столько времени претендующие на наличие женской мудрости преподавательницы нас учили, что подобные предложения ни в коем случае нельзя принимать сразу? Что следует сначала взять время на раздумья, чтобы жених понял – ты не из тех, кто готов выскочить замуж за первого встречного, что тебя нужно ценить и всегда помнить, что ты могла и отказать.

– Да, – сказала я, как только смогла говорить. – Да, Янош! Я обязательно выйду за тебя замуж!

Разве можно отказать его глазам? Если он будет смотреть на меня так каждый день, я уже сама себе завидую.

Теперь Янош держал мои руки на вполне законных основаниях. Но обнимать его все равно нельзя. Очень жаль. И ничего больше пока нельзя.

Потому что наверняка кто-то видит... я посмотрела через его плечо в сад. И заметила прозрачную расплывчатую марь, покрывающую беседку куполом. Она блестела и переливалась разноцветными разводами, как мыльная поверхность воды.

Это что? Янош улыбнулся, проследив за моим взглядом.

– Звуковой купол, накрыл, чтобы нам не мешали.

– Но его же видно издалека! И он прозрачный!

– Ну и что, – пожал Янош плечами. – Я не собирался скрываться. Мы сообщим о наших планах сейчас же! Тогда ты точно не сможешь передумать.

– Я и без этого не передумаю. Только, Янош... а тебе не рано жениться?

Он слегка нахмурился.

– Какая разница, когда жениться, если собираешься прожить с этим человеком всю жизнь? Тем более мы сможем пожениться не раньше весны.

– Знаю, – это в лучшем случае... В худшем – свадьбу могут откладывать хоть всю жизнь.

– Ну, пошли, – улыбнулся Янош, не отпуская моей руки. От этого так тепло, что, кажется, я способна согреть весь мир целиком всего лишь поделившись частичкой своей радости.

Купол лопнул, как огромный мыльный пузырь, с хрустальным звоном, и в беседку ворвалось множество звуков, я даже не думала, что пока мы говорили, внутри было настолько тихо. Даже не заметила!

В саду нашего появления дождалось немало народу. Большинство делало вид, что вышли просто подышать свежим воздухом, хотя наверняка вышли полюбоваться на купол – нечасто маги в обыденной жизни вытворяют нечто зрелищное на потеху обывателям. Так что вместо планируемого эффекта остаться в одиночестве Янош добился совершенно противополо-

ложного – все окружающие находились в курсе, что мы беседовали и хотя слышать слов не могли, зато прекрасно могли наблюдать за действием.

А вот и мадам Анка, по лицу которой ходят противоречивые волны. Она пока не решила, кричать или не кричать, ведь толком неизвестно, что случилось. А никто из пансионеров без веской причины не мог обнаглеть настолько, чтобы демонстративно прижиматься к плечу постороннего молодого человека.

– Это то, о чем мы все думаем? – с сомнительной любезностью выговорила мадам.

А вот и Злата... За ней маячит серьезный пан Марек, который осматривает Яноша с большим любопытством и некоторым подозрением. Вероятно, раздумывает, не требуется ли мне помощь в общении с не совсем адекватным поклонником.

Злата внимательно смотрела на нас, спокойно и слегка удивленно. На секунду ее глаза расширились.

– Да, – ответила я ей. Кто мне мадам Анка? Просто посторонняя женщина, благосостояние которой зависит от нашего удачного замужества.

– Да, – сказала я Злате, – я приняла его предложение.

9

Как только фонтан поздравлений иссяк, а Злата снова переключила внимание на пана Марека (кстати, взаимно), я потащила Яноша за собой и остановилась напротив мадам Анки, которая от удивления стояла столбом и все еще не могла сдвинуться с места. Она была мной довольна, надо же, прожила в пансионе всего-то без году неделю, а уже нашла себе жениха! Если так пойдут дела, не избежать мадам Анке королевского денежного поощрения!

– Я хочу показать Яношу свою комнату, – широко улыбаясь, сообщила я ей.

По привычке мадам хотела отказать, уже открыла рот и нравоучительно поняла палец, но нет, как же сейчас отказать тем, кто задал на первом в сезоне танцевальном вечере такую полезную традицию соединять свои жизни, способствуя процветанию пансионата и лично мадам? Первая образованная пара нынешнего сезона – знак свыше, практически любимчики небес, желания которых никак нельзя игнорировать!

– Не забывайте, что через несколько минут начнутся танцы, – сквозь болезненную улыбку убийственно вежливо заявила мадам.

Конечно, никакого сомнения, если мы задержимся хотя бы на одну лишнюю секунду, мадам тут же вспомнит о долге и явится напоминать о существовании приличий, которые запрещают нам оставаться наедине. Мы должны постоянно находиться на глазах у старших.

Но в моих планах и не было ничего предосудительного.

Пока я вела Яноша к себе, он улыбался удивленно и немного растеряно.

Дверь открылась, в этой крошечной обычной комнате пансиона было мало от меня самой. Одежда в гардеробе, какие-то обычные для девушки мелочи на столе. На стене – небольшой, написанный Златой пейзаж в простой деревянной рамке. Разве что несколько особо любимых омниумов в низкой вазочке да на подоконнике одна из книг, выданных мастером Армедом.

– Ты тут живешь? – задал не очень логичный вопрос Янош, шагая вперед и с любопытством осматриваясь. Я закрыла дверь, оперлась на нее спиной и дала ему ровно минуту. Только бы не проснуться и не увидеть, что все произошедшее этим вечером оказалось обычным сном. Пусть даже самым прекрасным сном из всех возможных.

Янош с улыбкой оглянулся, но мне сейчас нужно было немного больше. Никогда раньше комната не казалась настолько теплой и уютной, как в этот момент.

– Поцелуй меня...

Больше всего остального мне хотелось убедиться, что происходящее – не сон. Что он теперь правда мой. Даже не могу объяснить, насколько важно! Как говорят, вопрос жизни и смерти.

Янош шагнул ко мне и теперь стоял прямо напротив, наклонившись очень близко. Перед носом оказалась серебристая пуговица синего форменного камзола, который ему безумно шел. Вокруг витал едва различимый запах незнакомого мужского одеколона. В эту же секунду я по уши влюбилась в этот запах и даже при желании не смогла бы его забыть. Янош дышал так близко от моих волос, что по коже бегали мурашки.

– Поцелуй.

Надеюсь, мне не придется упрашивать его слишком долго? Может и не принято так сразу, но...

Уговаривать не пришлось. Однажды меня поцеловал соседский мальчишка, прикоснулся к губам и потом долго краснел, и смотрел себе под ноги.

Но этот поцелуй совсем не походил на тот. Он был мягким и еле ощутимым, легким и дразнящим, как щекотка птичьим перышком. А потом сразу напористым и требовательным, я даже момента перехода не заметила. И это так здорово! И не заметила, когда успела обнять

его крепко-крепко, как хотелось с самой первой секунды, стоило только увидеть его стоящим на пороге гостиной.

Этот вечер был чистейшей правдой...

Мадам все-таки пришлось подняться и сообщить из-за двери, что нас немедленно ждут внизу, так как танцы уже начались. К счастью, она тут же удалилась и не стала поджидать нашего триумфального возвращения прямо в коридоре.

Тянуть время мы не стали и тотчас отправились вниз. То, что ей пришлось призывать меня к приличиям, мадам наверняка вскоре припомнит. Ну и ладно! Но зато теперь, спускаясь рядом с Яношем по лестнице в гостиную, я совершенно точно знала, что он мне не снится. И что я самая счастливая на свете невеста.

Будни наступили совершенно неожиданно и тянулись невыносимо долго. Увидеться в следующий раз нам удалось только на выходных, потому что с тех пор, как я уволилась из салона мадам Розы, работать на мастера Армеда приходилось каждый вечер.

В первый же выходной Янош пригласил меня в гости, и я с большим удовольствием согласилась. Если уж меня мучило любопытство, где и как он жил в то время, когда мы практически не были знакомы, то теперь оно и вовсе съедало заживо.

У него оказалось целых две комнаты в доме, который принадлежал другу его отца, пану Гектору. Тому самому мужчине, что обнаружился в карете тем злополучным вечером, когда дядя изволил пристроить будущее единственной племянницы в хорошие руки. Хм, если подумать, это действительно ему удалось! Жаль, поблагодарить не получится, дядино имущество конфисковали, а его самого выслали за пределы центральной части королевства, в менее цивилизованные места. Там процветает рабство. Скорее всего, дядя уже ощутил все его прелести на собственной шкуре.

Пан Гектор выступил нашим компаньоном, потому что, понятное дело, наедине без присмотра старших остаться мы не могли.

За прошедшие с начала чаепития полчаса я узнала о Яноше больше, чем за все время нашего знакомства.

Сирота, как и я. Ему исполнилось четырнадцать, когда его родители направлялись в гости к родственникам и погибли по дороге. Никто не знает, что произошло, мертвыми нашли всех из обоза, к которому они пристали по пути в нужный город. Мама Яноша была обычной женщиной, и только отец магом, и перед смертью он успел опустошить весь свой силовой резерв. Служба поиска долгое время пыталась обнаружить следы напавших на обоз убийц, которые даже не притронулись к перевозимому торговцами товару, но так ничего и не нашли. Дело тянули, пока не закрыли нераскрытым по сроку давности.

Кроме того, после смерти родителей выяснилось, что перед отъездом все имущество семьи, включая городской дом, было продано какому-то чужестранцу, быстро перепродавшему его дальше и в спешке отбывшему на родину. Янош тогда остался на улице, и только вмешательство пана Гектора спасло его от судьбы всех беспризорников, которые заканчивают или на дне канавы с ножом в животе, или на рудниках с кандалами на щиколотках.

В этот момент пан Гектор попал в число самых уважаемым мною в мире людей, причем сразу на верхние позиции, на третье место после Яноша и бабушки.

После второй чашки чая Янош показал мне семейный портрет, свое самое большое сокровище, судя по тому, что он с трудом разжал руки, когда его протянул.

Счастливая супружеская пара и мальчишка лет пяти, сидящий на коленях отца. Ребенок никаких особых восторгов не вызвал, маленький Янош мало чем отличался от мальчишек, которые толпами носятся по улицам, поднимая облака пыли до самых крыш. Но как он походил на мать! Такое же лицо... волосы...

Кроме глаз. Глаза были отцовские, светлые, серо-голубые. От вида этих двух лиц, спящих в лице Яноша в нечто целое и завершённое, оказалось очень сложно оторваться. Через время я поняла, что вокруг совершенно тихо, а потом пан Гектор встал и вышел из комнаты.

Мы весь вечер провалились на кровати Яноша. Целовались, наверное, часа два, но больше ничего не было. Честно говоря, я, скорее всего, пошла бы до конца, но он эту идею не поддержал. Остановил меня, стоило только попытаться произнести что-то подобное вслух.

– Не нужно, я подожду, – спокойно остановил мой неуверенный лепет. – Не потому, что не хочу. Просто я уверен, что если сейчас воспользуюсь твоей слабостью, потом ты мне этого не простишь. А я со своей женой собираюсь жить счастливо и не жалеть о прошлом.

Я соглашалась. Конечно, он прав и так далеко заходить нельзя, я же пансионерка... Как глупо! За два года обучения в школе видимо в меня все-таки не удалось вбить правильного в должном для приличной девушки количестве.

Потом, уже перед тем, как настала пора возвращаться домой, зашел разговор и о работе. Пришлось подробно пояснять, почему мы не можем встречаться по вечерам – я занята. С утра – он занят.

Когда Янош услышал, как зовут моего нового нанимателя, то вдруг мгновенно оцепенел. Просто словно коркой льда покрылся.

– Ты работаешь на Витольда де Акуилу? – глухо переспросил, назвав его имя целиком. Будто так не ясно, что в столице, кроме Акуилы, не существует ни одного другого шайнарского посла такого же высокого ранга!

– Да. Всегда твердили, что шайнарам полукровки безразличны, а оказывается, неправда. Все это вранье! Пана Витольда заинтересовали мои магические способности, и он предложил мне работать помощницей мастера Армеда в посольских лабораториях. Мне там нравится. Лучше, чем в салоне.

– Ула, – Янош старательно сверлил мое лицо максимально серьезными глазами. – Не могу не предупредить. Старший шайнарский посол – очень опасный человек. У него жуткая репутация, и я бы с удовольствием списал ее на слухи, но я ведь работаю в службе внутреннего надзора и могу оперировать не только слухами, а и реальными фактами. Это очень страшный человек, не обладающий ни малейшими моральными принципами. Кроме того, Акуила один из сильнейших шайнарских магов. Королевским магам не удалось установить пределов его возможностей. Он замешан в таких делах, что я даже рассказать тебе не рискну! Мне не нравится, что тебя туда приняли. Вполне возможно у Акуилы возникли какие-то новые планы, для исполнения которых ему требуется шай-парс вроде тебя. И любой его план ничем хорошим закончиться не может по определению.

Над услышанной информацией стоило задуматься. Что я тут же и сделала. Впрочем, кроме манеры, в которой поступило предложение о работе, ничего подозрительного в ней не было.

– Янош, но я работаю на мастера Армеда и пана Витольда с первого дня больше ни разу не видела! А мастер – замечательный добрый старик, который ничем, кроме науки не интересуется! Если бы меня пытались втянуть в неприятности, обнаружили хотя бы малейшие признаки обмана, верно? Но я ничего такого не заметила.

Он покачал головой. С сожалением спросил:

– Ула, наверное, бесполезно просить тебя оттуда уйти?

Снова пришлось подумать. Не об уходе, конечно, а о том, что в моей жизни появился человек, с чьим мнением придется считаться. Как непривычно...

– Янош, я понимаю, ты обо мне волнуешься. Это очень приятно, но ты не можешь контролировать каждую минуту моей жизни. Есть вещи, которые я должна решать сама. Ведь всего неделю назад я была полностью самостоятельной и не думала, что придется с кем-то по этому поводу объясняться. Я, между прочим, взрослый и, надеюсь, неглупый человек.

– Конечно, – он усмехнулся. – Напомнить кое-какие моменты твоего прошлого?

Ха! Какая прозрачная провокация, даже малый ребенок раскусит!

– Тогда я зависела от дяди и не могла идти против его воли. А сейчас я сама по себе.

Янош вздохнул.

– Я действительно за тебя боюсь.

– Знаешь, давай так сделаем? Я пообещаю, что если случится нечто подозрительное, я сразу оттуда уйду. А пока ты не будешь нервничать сам, и меня понапрасну дергать тоже не будешь, договорились?

Пусть неохотно, но он согласился.

Так прошел месяц. Я чувствовала себя до безобразия счастливой. Злата, кстати, тоже порхала, будто научилась парить в воздухе, не касаясь земли даже носочками. Теперь она отзывалась о пане Мареке не иначе как «милый», а когда я напоминала о ее «...хам ...нахал», сильно на меня обижалась, я так и не поняла, за что.

Постепенно становилось холодней. Листья окрашивались в осенние цвета, и отрезок времени до весны, когда можно назначить дату свадьбы, после каждого прошедшего дня становился немного короче.

А потом одним тихим утром город всколыхнулся от новости о произошедшей на шайнарской границе бойне. О ночном происшествии в протоке Золотых Лотосов, территория вокруг которой издавна считалась спорной. Но вот шайнары приступили к строительству домов для отдыха, а живущие неподалеку люди, возмущенные «захватом» принадлежащих им земель собрались, пошли и разгромили все, что смогли разгромить. Остальное сожгли. Всех шайнаров, кто сопротивлялся или даже просто попался под руку, убили. Всего около тридцати, большая часть из которых являлись нанятыми на работу строителями. Шайнарская сторона мгновенно перешла к силовым методам, и на следующий же день организованное войско вырезало часть жителей окрестных поселений. А так как по лицу не разберешь, участвовал житель в погроме или мирно спал дома, то вырезали всех, кто потенциально мог там присутствовать.

Итого больше двух тысяч погибших с обеих сторон.

Все это я узнала от мадам Анки, когда спустилась к завтраку. В доме больше никого не оказалось – все остальные пансионеры давно разошлись на работу, а прислуга оставалась на кухне. И слушая эту историю, которая, скорее всего, выльется в полномасштабную войну, потому что мир итак держался на одном только честном слове, я уже боялась будущего. Не знаю, как сказать, но меня преследовало странная уверенность, что этой ночью, скрипя и подрагивая, звезды меняли свое местоположение. Определяли новый порядок построения, основанный на чем-то, неизвестном даже им самим. Перестраивались, тянули за собой нитки наших судеб.

И некоторые натянули до предела.

Я вернулась в комнату, пытаюсь понять, что будет дальше с работой и посольством в целом. Мастер Армед чистокровный человек, на хорошем счету у короля, поэтому его, так или иначе, без покровительства не оставят. А мне что делать? Станет ли при уходе мастер забирать меня с собой на новое место работы? И вообще, еще неизвестно, что будет с посольством.

И неужели начнется война?!

Когда к обеду в дверь постучали, и в комнату вошел Янош, мне хватило всего одного короткого взгляда на его непривычно тяжелое лицо. Я с размаху уселась на кровать, потому что ноги не держали. И не ошиблась.

– Я уезжаю на рассвете.

Почему не получалось ничего сказать? Я будто онемела. Как я вообще могла думать о работе и не подумать... что магов вместе с войском отправят на границу, и на эту роль наверняка выберут далеко не самых высокопоставленных магов. Что в условиях военного положения у него не будет ни малейшей возможности отказаться?

Он так и стоял на пороге, будто боялся подойти.

– Королевский совет надеется, все обойдется малой кровью и удастся избежать большой войны. Но в любом случае, ты помни – я вернусь весной, и свадьбы тебе избежать все равно не удастся...

И двигаться не получалось, будто все мышцы превратились в кисель. Хорошо, что он все-таки подошел. Я упиралась лбом в его плечо и думала, что вот оно... новый рисунок звезд. Безжалостных, холодных пустышек, от которых каким-то совершенно непостижимым образом зависят наши судьбы.

Все произошло как-то очень быстро. На работу я в тот вечер не пошла, но Янош занимался сборами и забежал всего на минутку перед сном. На предложение провожать его завтрашним утром, ответил категорическим отказом.

– Мне и так довольно сложно уходить. А если ты будешь стоять там и смотреть такими глазами, я и вовсе не смогу.

Судя по тому, что ему пришлось отдирать мои руки от своей одежды практически силой, Янош был прав, в таком состоянии я могла только помешать, но никак не поддержать.

Эта ночь получилась очень страшной. Тогда я думала, что страшнее просто не бывает.

Я сильно ошибалась.

Вечером того дня, когда Янош с королевским войском отбыл на границу, у нас с мастером Армедом состоялся серьезный разговор о возможном развитии событий. Что будет с ним и со мной? Насколько посольство нуждается в моих услугах во время, когда пограничный конфликт вот-вот перерастет в полномасштабную войну? Чем нам это грозит?

Мастер внимательно выслушал мои пространные вопросы, а потом долго молчал, поглядывая на меня чуть ли не с отеческой нежностью. Нехотя пояснил, как нынче обстоят дела:

– Ула, в данный момент вы не можете уйти с работы. Официально войны не существует, поэтому в положении посольства и его сотрудников ничего не изменится. До тех пор пока все будет продолжаться как раньше, наши с вами персоны ни у кого не вызовут ни малейшего интереса. А вот если вы поспешите уйти, вполне вероятно начнутся неприятности. Ваш уход могут воспринять как бегство, связать с происшедшим, ведь пусть неофициально, но военные действия идут. Вы попадете под подозрение, и поверьте, вам это вряд ли пойдет на пользу. Послушайте старика, сделайте вид, что вокруг ничего не изменилось. Оставьте все как есть.

Про войну я вообще не могла слышать!

И конечно же, я последовала полученному совету. Притвориться, что за последнее время ничего особенного не произошло, оказалось проще простого. Не знаю, как Акуила, а мой мастер никак не мог быть злодеем – за время совместной работы он даже голос на меня ни разу не повысил, хотя временами признаюсь, было за что.

Текли обычные дни, пустые и страшные. В начале каждой недели на воротах ратуши вывешивали списки погибших. Магов в их числе практически не встречалось, но все равно каждый раз я шла туда, как на собственную казнь. И не найдя среди имен знакомого, сидела потом на лавке у площади, потому что просто не хватало сил встать и уйти.

В лаборатории царила атмосфера сконцентрированного ожидания, исследования мастера больше никого не интересовали, зато и нас никто не трогал – сидели себе тихо в башне и не высывались.

Я знала, что шайнарским посольством составлен и направлен ко двору перечень требований, в случае исполнения которых шайнарская сторона соглашалась забыть о конфликте и вернуться к относительному миру. Ответа пока не последовало, поговаривали, будто в списке имеется некий пункт, который поставил Королевский совет в тупик. Правда это или нет, а если правда, то в чем именно заключается условие я, естественно, не знала.

Только в обществе Златы становилось немного легче. Она, человек нетерпимый практически ко всему, вдруг повернулась совсем незнакомой мне стороной – такой покладистой,

заботливой и мягкой Златы я раньше не знала. Она закармливала меня конфетами, веселила городскими байками и почти не упоминала о пане Мареке, чтобы не травить душу своим светлым, незамутненным счастьем.

Через месяц от Яноша пришло письмо, в котором он много раз подряд повторил, что дела идут просто чудесно и поездка вообще чуть ли не развлекательная, так что беспокоиться о нем совершенно не стоит!

Если бы это было так просто...

Но, так или иначе, все шло своим чередом.

Однажды мы с мастером увлеклись каким-то длительным экспериментом, а когда закончили и изучили результат, оказалось, что времени уже под утро. Мастер категорически отказался отпускать меня на извозчике домой и оставил ночевать в одной из комнат своей квартиры, которая находилась над лабораториями наверху башни.

Получив плед, я улеглась на узкий, оббитый старой вытертой тканью диван.

Несмотря на усталость, сон, как обычно в последнее время, не шел. Когда раздался непривычный звук, напоминающий птичий крик, я подскочила и не сразу догадалась, откуда он идет.

Потом крик повторился. Я на цыпочках отправилась к окну и выглянула на улицу. Довольно близко от башни располагалась украшенная по краю изогнутым черепичным узором покатая крыша основного здания посольства, напоминающая опрокинутый лепестками вниз колокольчик. И сейчас на ее краю стоял высокий полуголый человек. Блеклая рассветная серость служила фоном широкой белой спине, раскинутым в стороны рукам и запрокинутой к небу голове.

Потом он резко дернулся, покачнулся, но устоял на ногах, а по спине, словно опустившись из свободного полета в воздухе, пронеслось изображение птицы. Огромная, она полностью закрывала спину крыльями, которые спустя несколько секунд нехотя сложились.

Конечно же, это был Акуила. Вряд ли поблизости найдется множество других шайнаров с похожим рисунком.

А еще я поняла, что его птица каким-то образом умеет летать в небе. И кто знает, что происходит в это время? Как работает существующая между ними связь? Может, посол способен видеть то, что видит она? Если так... Вряд ли эта новость входит в число секретов, которыми Акуила намерен делиться с кем попало. Но не никаких сомнений в увиденном – сегодня он выпустил свою птицу размяться, а сейчас она вернулась обратно.

Это было совершенно непонятно и, наверное, вообще очень сложно, потому я просто закуталась покрепче в плед и вернулась на диван. Если это не сон, подумаю о происшедшем на свежую голову с утра пораньше.

Выспаться все равно не удалось, мастер разбудил меня, как только поднялось солнце и отправил домой, так как вскоре должны явиться его ученики и, ясное дело, появление в разгар рабочего дня из одной из его комнат сонной незнакомой девицы не то зрелище, которое стоит видеть наблюдательным болтливым юношам.

Вернувшись в пансион, я еще спала, совсем недолго, а когда, наконец совершенно проснулась, поняла, что об увиденном ночью распространяться не стоит никому. Даже мастеру.

За остаток осени и зиму не случилось ничего особенного.

Весной, когда с начала войны прошло уже больше семи месяцев, так же неожиданно, как и в прошлый раз, по городу разнеслась новость, что конфликт улажен и стороны готовы пойти на какие-то многочисленные взаимные уступки, только чтобы, ко всеобщей радости, сохранить мир.

От этого известия я практически летала. Даже не верилось, что семь месяцев страха и непрерывного ожидания могут закончиться так просто! Хорошо, что все это время обе сто-

роны всего лишь передвигались вдоль границы, делая небольшие вылазки на территорию противника, захватывали мелкие города и деревни, но вглубь территории не совались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.